

ЖИЗНЬ ЖАНА КАЛЬВИНА

La vie de Jean Calvin

ТЕОДОР ДЕ БЕЗ

Théodore de Bèze

Глава 1

Из Нуайона в Париж

Для большей простоты я опишу в хронологическом порядке людей и географические места, которые помогут пониманию нашего рассказа. Начну с рождения Жана Кальвина, которое имело место 10 июля 1509 года. Я не ищу в этой дате какой-то взаимосвязи с астрологией, чтобы выяснить причины обстоятельств его жизни, ни тем более причин замечательных добродетелей, пребывавших в его жизни. Речь пойдет только об исторических фактах.

Кальвин сам был в большом ужасе от судебной астрологии.¹ Он опубликовал книгу на эту тему, где он, усиленно опираясь на Слово Божье, справедливо показал, что такое не подобает терпеть ни в Церкви, ни в порядочном обществе. Он оценивал астрологию, как ложь и бессмыслицу. Поэтому было бы несправедливо пуститься в такие домыслы в отношении его собственной личности.

Будем довольствоваться тем, что Бог, желая использовать этого слугу в определенное время, Своей святою премудростью дал ему появиться на свет в вышеупомянутой дате.

Жан Кальвин родился в Нуайоне, небезызвестном древнем городе в Пикардии. У него было четверо братьев, старший из которых – Шарль, умер во взрослом возрасте (вскоре) после смерти его отца. Его младший брат Антуан сопровождал его по жизни, находясь среди нас в течении двадцати восьми лет, и пережил его. Два его других брата Франсуа и другой Антуан умерли еще детьми. Кальвин получил имя Жан и был крещен каноном (должность в католической церкви – прим. пер.) города Нуайон по имени Жан де Ватин.

О своем крещении он охотно говорил: « Я отвергаю мир,² но оставляю за собой мое крещение», давая понять разницу и разделение между людской традицией и постановлением Господа Нашего Иисуса Христа.

Его отца звали Жерар Кальвин, который был родом из Понт-ль Евек, близ Нуайона. Его мать звали Жанна ле Франк. Семья пользовалась уважением и определенным благосостоянием, так как живой ум и здоровое рассуждение отца имели большой вес в благородных домах в округе.³

Отец Жана не пожалел средств, чтобы тот получил хорошее образование. Жан обучался вместе с детьми семьи Момморта, который впоследствии будет его сопровождать в поездке на учебу в Париж.⁴

В столице Кальвин начинает учиться в колледже де ла Марш, имея репетитором такого наставника, как господин Матюран Кордиер, человека весьма доброго характера и большой простоты, проявившего большую заботу о нем. Этот человек провел жизнь, обучая детей, как в Париже, так и в Неверс, Бордо, Неошатель, Лозанне и, наконец, в Женеве, где он и умер 8 сентября 1564 в возрасте 84 лет. Даже за несколько дней до своей смерти он давал уроки в шестом классе.⁵

Затем Кальвин отправился в коллежд де Монтэю, где он обучался у преподавателя- испанца, ставшего впоследствии доктором медицины. Юноша обладал ярким умом, что позволило ему быстрее продвинуться в изучении философии. В плане поведения он проявил себя очень добросовестным, врагом пороков и весьма преданным тому, что называлось служением Божьим.

Его сердце стремилось к теологии, и его отец, понимая это, старался найти ему работу в этом направлении. Для этой цели он добивался церковной бенефиции (жалования) для своего сына в кафедральной церкви Нуайона.⁶

Жан Кальвин получает также приход в Понт-л' Евек, откуда был родом его отец. Кальвину довелось несколько раз там проповедовать перед тем, как он покинул Францию.⁷

Таково было первоначальное намерение отца. Однако позднее он позволил своему сыну изучать право, усмотрев в этом лучший способ добиться благосостояния и почестей. Сам Жан Кальвин, благодаря своему близкому родственнику по имени Пьер Робер (прозванный Оливетаном, он был переводчиком Библии), уже вкусил кое-что от истинной религии. Он начал уставать от папских суеверий.

Это обстоятельство, а также большое уважение к отцу, заставили его согласиться изучать право, вместо того, чтобы продолжить карьеру в богословии. В те времена право преподавалось в школах, известных большой развращенностью. Поэтому он отправился в Орлеан, где тогда преподавал замечательный человек, по имени Пьер де ль Естуаль, названный в честь президента суда Парижа.

Под руководством этого человека Кальвин за короткое время настолько продвинулся, что его уже не принимали за студента, а за постоянного преподавателя. В действительности, он чаще преподавал, чем учился. Ему предложили место преподавателя, но он отказался.

Университет города Бурж обладал в то время широкой репутацией благодаря известности Андрэ Алсиата, превосходного юриста, который преподавал там. Поэтому Кальвин решает отправиться туда, чтобы увидеть и услышать его.

Все это время он не оставлял изучения Святого Писания, что сильно послужило на пользу всех тех, чьих сердец коснулся Бог, дабы они ознакомились с истинной религией. Они выражали ему особую признательность, восхищаясь эрудицией и рвением, которые были ему присущи.⁸

Что касается его усердия в университетском образовании, то заслуживающие доверия люди, которые его близко знали, могут подтвердить, что он учился до полночи и ел очень мало во время ужина. Просыпаясь утром, он некоторое время оставался в кровати, чтобы вспомнить и поразмышлять о проделанной им работе накануне.

Он занимался в поздние часы, чтобы посвящать себя своим основным занятиям более свободно и неотрывно. Я убежден, что эти часы обучения послужили основой для его огромного познания Священного Писания и для развития уникальной памяти, которую он позже проявил. Эти долгие часы также, безусловно, повредили его здоровью.

Во время пребывания в Бурже, он часто общался с одним замечательным человеком, немцем по национальности и преподавателем греческого языка, которого наняла сначала королева Наваррская, а затем герцогиня Берри. Профессора, о котором идет речь, звали Мельхиор Вольмар. Я помню его очень хорошо, потому что он был верным наставником и воспитателем также и мне на протяжении всей моей юности, за что я буду славить Бога всю свою жизнь.

Этот добрый человек, заметив у Кальвина нехватку знаний греческого, приложил все усилия для усовершенствования знания этого языка, что сослужило хорошую службу. Кальвин, посвящая Мельхиору Вольмару свои Комментарии ко второму письму Павла к Коринфянам завидетельствует ему позднее свою признательность, называя того своим учителем.

В то время Кальвин проповедовал несколько раз в маленьком городке герцогства Берри под названием Линьер. Владелец этой местности принимал его в своем доме. Этот человек, чье разумение вещей было ограниченным, утверждал, что господин Жан Кальвин проповедовал лучше, чем католические монахи, поскольку говорил сразу о главном и бил в цель.

Вышеупомянутый дворянин не был из суеверных. Он заметил, что приезжавшие проповедовать монахи прикидывались нищими, дабы приобрести репутацию святых или получить какую-нибудь личную выгоду.

Находясь в Бурж, Кальвин получил известие о смерти отца. По этой причине он оставляет изучение права и возвращается в Нуайон. Оттуда он отправляется в Париж. Во время своего пребывания в столице (1532) он пишет грандиозный научный труд: *Комментарий на книгу Сенеки о добродетели милосердия*.⁹ Ему было тогда всего 24 года. Несмотря на свою молодость, он уже был известен и удостоивался чести тех, кто имел хоть сколько-нибудь любви к истине.

Ссылки

¹ Судебная астрология: Изучение влияния звезд по их расположению на основе астрономических наблюдений.

² Мир: Освященное масло, используемое для миропомазания в определенных таинствах римских католиков.

³ Жерар Кальвин работал (в хронологическом порядке): апостолическим нотариусом, секретарем епархии и ответственным за капитул Нуайона. Его супруга была также ревностной католичкой.

⁴ Семью Моммтортов связывали узы родства с епископом Нуайона. Благодаря этому, Жерар Кальвин добился того, что его сын получал уроки с их детьми у репетитора. В августе 1523 года Жан Кальвин приезжает в Париж и поселяется у своего дяди по имени Ришар Кальвин, который был слесарем (делал замки).

⁵ Матюрана Кордиера называли Ролланом 16-го века. Он принял Реформацию и некоторое время возглавлял колледж в Женеве.

⁶ Кальвин стал получать бенефиции от католического прихода в Грезин (Grésine) в возрасте 12 лет. За ним сохранили выплату бенефиции, несмотря на его пребывание в Париже.

К слову, брат великого Колиньи - Одет де Шатийон, например, получил пост кардинала (вместе с бенефициями) когда ему исполнилось всего 16!

⁷ В 18 лет Кальвина назначили священником в городе Мартевиль. Спустя 2 года он сменил священника в Понт-л'Евек. Он отказался от своей церковной бенефиции только в 1534.

⁸ Кальвин пишет в предисловии к своему комментарию на книгу Псалмов, что в течении года жаждущие и ищущие чистого учения Христа, постоянно приходили к нему, чтобы научиться. «Хотя, говорил он, я сам еще был новичок и ученик».

⁹ В этой книге, которую Кальвин напечатал на свои средства, он уже пытается воздействовать на короля Франсуа 1-го.

Глава 2

Из Парижа в Женеву, с неохотой.

Среди знакомств, которые были у него в Париже, он всегда помнил, об одном купце, человеке богатом и богобоязненном, по имени Этьен де ла Форж. Этот человек пошел на костер за Евангелие в январе 1535г. И Кальвин упомянул о нем в четвертой главе своего послания против либертинцев.¹

Кальвин часто вспоминал об Этьене де ла Форж, свидетельствуя о его великом благочестии, простоте и честности. Он говорил о нем, как о человеке большого благоразумия и усердия, который, будучи торговцем, однако сохранил добрую совесть и подлинную христианскую веру.

Подвиг этого человека повлиял на решение Кальвина полностью посвятить себя служению Богу со всяким усердием. Это принесло свои плоды. В бытность ректора Николаса Копа, во время беспорядков в Париже, Кальвина отправили в суд для защиты одного дела. Его тепло приняли те, кому были дороги справедливость и праведный суд.

Причиной для тех беспорядков была проповедь вышеупомянутого ректора, приуроченная к празднику Всех Святых, где он высказался очень ясно и смело, чего не могли стерпеть Сорбонна и парламент.²

Парламентский суд приказал разыскать Николаса Копа. Тот уже и сам направлялся в Парламентский суд в сопровождении своей охраны. Будучи предупрежден о неминуемом тюремном заключении, не дойдя до дворца, он вернулся к себе. Затем он покинул королевство и приехал в Базель, откуда был родом и, где его отец Гийом Коп, королевский врач, пользовался большим авторитетом.

Ввиду дружественных связей с Копом Кальвин также был вынужден покинуть Париж. Судебный пристав Моран даже обыскал его комнату в колледже Фортета, надеясь доставить Кальвина арестованным. Не найдя его, он хватает все, что попадет ему в руки, будь-то книги или документы. Среди них оказались письма друзей Кальвина из Орлеана и других мест. Моран надеялся разыскать их, однако, Господь помешал успеху его замысла.

Из Парижа Кальвин отправился пожить в местечко Сентонг. Он поселился там у одного молодого человека из богатой семьи г-на дю Тиллет, имевшего церковную бенефицию.³ Подружившись Кальвиным, дю Тиллет попросил написать того несколько проповедей и кратких христианских увещаний. Некоторые из священников той местности, по просьбе дю Тиллета, цитировали их в воззваниях⁴ к церкви во время богослужения, чтобы люди смогли вкусить от истинного и чистого познания о спасении в Иисусе Христе.

Во время своего пребывания в Сентонг Кальвин совершает поездку в город Нерак, чтобы встретиться с Жаком Лефевр из Этапле, бывшим воспитателем детей короля Франции Франсуа, -человеком преклонного возраста. Из-за преследований, проводимых Сорбонной, он уехал в свое время регион Гасконь. Этот добрый старик ужасно обрадовался встрече с Кальвиным и возможности поговорить с ним.

Спустя некоторое время, Кальвин покидает Сентонг и возвращается в Париж. Он держится там инкогнито, так как ему было небезопасно находиться в столице. Однако, в то время, Мишель (Мигель) Сервет начинает распространять свои лжеучения в городе, и Кальвин соглашается встретиться с ним, чтобы заставить его замолчать, опираясь на Слово Божие.⁵

Для этой цели они договорились о встрече в определенный час на улице Св. Антуана. Несмотря на риск быть арестованным, Кальвин идет туда. Но Сервет так и не пришел, хотя Кальвин его довольно долго ожидал.

Осознавая бедственное положение христианства во французском королевстве в то время, Кальвин решает уехать, чтобы более безмятежно жить в согласии со своей совестью. Он покидает страну в 1534 году вместе с Луи дю Тиллет, своим молодым спутником из Сентонг, о котором уже шла речь.

Перед отъездом из королевства, находясь в Орлеане, в том же году он написал книгу под заголовком «Психопанихия» о покое душ. Он опроверг в ней заблуждение, посеянное некоторыми о том, что

душа, после отделения от тела, спит до наступления судного дня. Этот труд продемонстрировал то мастерство, которое приобрел Кальвин в толковании Писания.

Чтобы покинуть Францию, Кальвин и его компаньон выбрали путь в Базель, ведущий через Лотарингию (ла Лоррейн). Во время их путешествия подлость одного из их двоих слуг причинила им немалое затруднение. В местечке Дезме, близ города Метц, этот человек украл кошелек, в котором находились их все средства, а также одну из двух лошадей. Но это затруднение разрешилось тем, что другой слуга (он жив еще и теперь), имел при себе десять экю, которые отдал им в их распоряжение. Так они смогли добраться до Страсбурга, откуда они отправились в Базель.

Оставаясь некоторое время в этом городе, Кальвин издает своё первое Наставление в Христанской Вере. Это было обращение к королю Франсуа 1-му, о проявлении милости к бедствующим верующим, которых жестоко преследовали во Франции. Фактически, король превратно называл их анабаптистами, чтобы оправдать себя перед протестанскими князьями за преследования, учиненные им против Евангелия.⁶ Кальвин упоминает об этом факте во вступлении к своим комментариям к книге Псалмов.

Здесь стоит упомянуть, что, будучи всецело посвящен исследованиям Писания как в Базеле, так и в Страсбурге, Кальвин также усиленно занимается изучением иврита. В этом он настолько быстро продвинулся, что впоследствии принесло ему немалую пользу в толковании Писаний, о чем будут свидетельствовать его работы.

Из Базеля Кальвин едет в Италию в компании своего друга дю Тиллета. Они остаются некоторое время в г. Ферраре, где Кальвин знакомится с графиней Феррарской, которая милостью Божией жива и сейчас.⁷ Встретившись с Кальвиным и послушав его, она смогла реально оценить положение дел. Она всегда относилась с почтением и восхищением к этому превосходному слуге Божию.

Из Италии они возвращаются в Базель, откуда, спустя некоторое время, Кальвин едет во Францию. Что касается Луи дю Тиллета, то он сначала отправляется в Неошатель, а после в Женеву. Кальвин, уладив свои дела во Франции и желая возвратиться в Базель, а после в Страсбург, прихватил с собой своего брата Антуана, о ком мы уже говорили.

По причине многочисленных войн кратчайший путь был закрыт. К счастью, он смог проехать через город Женеву. Этот город принял Евангелие благодаря проповедованию двух замечательных слуг Божиих, Гийома Фареля и Пьера Вирета. Кальвин был там всего лишь проездом и потому не собирался оставаться в этом городе дольше, чем необходимо.

Дю Тиллет, который был ему спутником в Базеле и в Италии, обосновывается в Женеве и разносит весть о появлении Кальвина в городе. В Женеве тогда находился господин Морлет, ставший позднее послом французского короля в Лигурии. Морлет умер спустя несколько лет в Базеле. Этот человек всегда хранил добрую память о своем пребывании в Женеве. Проезжая Лозанну и Женеву, он всякий раз не упускал возможности встречи и общения с Кальвином и Виретом.

Господь, используя Кальвина для блага своей Церкви, положил в сердце Фареля удержать его в Женеве.

Но это оказалось таким непростым делом, что после долгих уговоров пришлось перейти к угрозам. Фарель угрожал Кальвину, что если тот откажется приложить усилия в труде Божием в церкви Женевы, то Господь проклянет то спокойствие, которое Кальвин искал в пристанище для своих

исследований. Кальвин поддается и соглашается отстать в Женеве, однако только как преподаватель теологии.

Ссылки

¹ «Память о нём, говорил он, должна быть благословенна среди всех верующих, ибо он был святым мучеником Христа».

² Кальвин написал эту речь с целью отразить атаки Сорбонцев против Маргариты Наварской, которая уже стала защитницей новых идей.

³ Речь идет о Луи дю Тиллет, состоявшим в должности канона г. Ангулема и священника г. Кле, который впоследствии вернется в католицизм.

⁴ Воззвания в католических церквях обычно произносились перед мессой.

⁵ Сервет опубликовал свою книгу, где он отрицает Троицу.

⁶ В то время Франсуа 1-й нуждался в союзе с протестантами Германии, чтобы восстать против Карла 5-го. Он пытался убедить князей-лютеран, что люди, сожженные на костре в Париже, были из остатков тех фанатиков (анабаптистов), которых уже сожгли в Германии.

⁷ Речь идет о дочери короля Луи 12-го Рене де Франс и кузине Маргариты Наварской. Преследуемые протестанты нашли позднее убежище в её замке де Монтаргис.

⁸ Он прихватил с собой и свою сестру Марию, о которой у нас нет никаких сведений. Антуан был переплетчиком книг. Он стал гражданином Женевы, членом правительственного Совета пятисот, потом - Совета шестидесяти г. Женевы, и умер в 1573.

Глава 3

Из Женевы в Страсбург, первые битвы

События, о которых мы только что рассказали, приведшие к тому, что Жан Кальвин остался в Женеве, развивались в начале сентября 1536. Годом позже Кальвина назначили пастором. Таким образом, будучи утвержден пастором в этой церкви путем законных выборов и со всеобщего одобрения, Кальвин составил краткий трактат исповедания веры и церковной дисциплины, чтобы придать порядок и структуру этой новой церкви.

Он составил также и Катехизм. Не тот, что мы имеем сегодня, состоящий из вопросов и ответов, а другой, содержащий только краткое изложение основных аспектов религии.

Во избежание пренебрежения к таинствам и чтобы не допустить к Вечере Господней тех, кто не отказался от идолопоклонства и папских суеверий, Кальвин и его собратья по вере - пасторы Женевы попросили магистраты вызывать людей по 10 человек, чтобы те дали клятву веры.

Эта просьба получила одобрение и, по распоряжению Совета, люди охотно этому подчинились. Кальвин написал об этом в предисловии к вышеупомянутому Катехизму, который напечатал на латыни в Базеле в 1538 г.

Эти радостные начинания были плохой вестью для Сатаны и его приспешников. Все недовольные первыми политическими и религиозными изменениями, произошедшими в городе, не преминули создать оппозицию.

Не прошло и четырех месяцев, как начались нападки со стороны анабаптистов (к которым принадлежал Жан Стордёр, о ком будет сказано позже), а также со стороны злобного отступника по имени Пьер Кароли, профессора из Парижа, с другой. Пьер Кароли пользовался расположением и

тайной поддержкой некоторых первых граждан (членов правительственного совета Женевы – магистратов. Прим. пер.) и мог причинить множество неприятностей Кальвину.

Что касается анабаптистов, то Кальвину не составляло труда опровергнуть их лжеучение в публичных дебатах, куда не могли вмешиваться магистраты, т.к. они не имели веса в церкви Женевы, чего нельзя сказать о большинстве немецких церквей, которые этим заражены. Те из них, которые освободились от этого недуга, смогли это сделать только благодаря неукоснительному соблюдению правды Божией.

Что же касается борьбы, которую Кальвин вел с Кароли из-за его хулы на учение Христа¹ (Кальвина поддержали Гийом Фарель и Пьер Вирет), то эта история слишком длинна, чтобы вдаваться во все детали.

Достаточно упомянуть, что Кароли был осужден двумя синодами: Лозанны и Берна. Он был в должности пастора в церкви в тех местах и там же женился. Тем не менее, он поехал на встречу с кардиналом города Турнона и смог через него выпросить письмо о помиловании у папы римского. Итак, он много раз перебежал от папства к Евангелию и обратно.

В конце концов, неоднократно сраженный Кальвиным в дебатах и устно и письменно, а после изгнанный из Церкви Божией, этот несчастный умирает в нищенстве в одном из приютов Рима. Таким образом, он послужил примером для тех, кто восставая против Иисуса Христа, следует своему господину, который худо вознаграждает своих слуг как в этом мире, так и в ином.

В 1537 г. Кальвин издает два послания, которые написал некоторым из друзей во Франции во время своей поездки в Италию. В одном из писем содержится призыв убежать идолопоклонства и хранить чистоту христианского вероисповедания. А в другом он объясняет, как поступать верующему, у которого был церковный сан папской церкви.

В то время один за другим вспыхивают мятежи, которые серьёзно обеспокоили Кальвина. Некоторые даже восстали против практического применения Евангелия, несмотря на то, что все жители города приняли его под присягой.

Кальвин, наполненный поистине героическим духом, твердо и решительно выступил против мятежников. В этом его поддержали Фарель и ещё один благочестивый человек по имени Куро, также пастор церкви Женевы. Этот человек был слеп глазами, но имел большую духовную проницательность. Кальвин привез его из Базеля, где тот скрывался по причине жестоких репрессий во Франции.

В этой конфронтации Господь преследовал несколько целей. Он решил вытащить своих служителей из этого задруднения, очистить город от мятежников, хуливших Евангелие, насадить Своё Имя в другом месте и, наконец, сформировать своего слугу благодаря этим испытаниям, опыт которых, ему потом очень пригодился.

Большинство людей в Совете г. Женевы не были на стороне правды. Таким образом, служителям Евангелия было приказано покинуть город в течение трех дней из-за их отказа провести Вечерю Господню, а также по причине происходивших в городе беспорядков.²

Получив это приказание, Кальвин ответил, что это было бы ему худым вознаграждением, если бы он служил только для людей. Но Он служил Тому, чья щедрость перекрывает все заслуги Его служителей. Кальвин сказал это со всей правотой, так как следуя примеру апостола Павла, он также служил церкви на свои средства.

Итак, к великому сожалению тех, чьих сердца коснулось Евангелие, он покидает Женеву, и едет сначала в Базель. Позднее его просят приехать в Страсбург, где его, словно сокровище, принимают Буцер, Капито, Хедио и другие замечательные люди, которые тогда сияли, как драгоценные жемчужины в Церкви Божией.

С разрешения первых лиц и правителей Страсбурга Кальвин основал французскую церковь, где он установил церковную дисциплину, чего немцам никогда не удавалось добиться в своей церкви. К большому восхищению всех, он также преподавал теологию, получая за это от властей города адекватную зарплату.

После отъезда Кальвина из Женевы некоторым захотелось поменять установленную ранее традицию использовать обычный хлеб для Вечери, которая была в этой церкви. Они предложили использовать «хости» (традиционно используются в кат. церкви) без какой-либо уважительной на то причины. Это доставило много затруднений для некоторых истинно верующих, заставив их воздержаться от причащения и пожаловаться на эти перемены. Кто-то даже был вынужден покинуть город.

Кальвин узнаёт об этом. Сам он не видел смысла менять вещи без причины, однако настоятельно предостерегал приверженцев Евангелия не поднимать скандал из-за такой мелочи.

Действительно, с момента, когда его восстановили в должности пастора в церкви Женевы и в течение остальных 27 лет до самой смерти, он не переставал указывать, что лучше было бы использовать обычный хлеб для Вечери. Однако он не уделял так много времени этому вопросу, считая, что стоит сосредоточиться на соблюдении более важных аспектах веры.

Обратимся к следующему в нашем повествовании: кардинал Садолет написал длинное письмо от 18 марта 1539г, к попечителям и гражданам города Женевы. Он надеялся задобрить их красивыми словами, чтобы отвратить их от Иисуса Христа, порицая служителей божиих, которых Господь использовал для реформации вероисповедания этого города. Он думал, что у него появилась хорошая возможность нанести хоть какой-то урон делу Евангелия, так как Кальвина изгнали из города годом раньше.

Получив спустя некоторое время известие об этих напаках, Кальвин проявил свою преданность к городу Женева. Ради благополучия этого города, а точнее ради правды Божией и против нападков этой лисы, он дал ответ в длинном письме с основательной аргументацией. Это письмо, датированное сентябрем 1539 г, входит в число его трудов на французском и на латыни.

Одновременно Кальвин продолжает углубленную доработку книги «Наставления в Христианской вере», которую он публикует первого августа того же года. Он также начинает работать над посланиями апостола Павла и посвящает свой комментарий к Римлянам Симону Гринее, самому эрудированному из немцев и его большому другу. Этот комментарий появился на свет 18 октября 1539.

Кальвин написал также простой и краткий трактат о Вечери Господней на французском языке, в котором он ясно разъяснил смысл и значение Причащения, которые понятны даже для самых простых умов.

Пять лет спустя этот труд был также переведен на латынь для тех, кто не понимает нашего языка. Его переводчик, Господин Николас де Галарс, был в то время пастором в Женеве. Позднее он отправился служить во французской церкви в Лондоне, а в настоящее время трудится в церкви Орлеана.

Нужно отметить, что Кальвин с большой осторожностью относился к этому вопросу, как в трактате, так и в своих Наставлениях. Увидев жалкие ссоры, где спор о Вечере накалился до того, что разделил церкви, он стремился всеми силами подавить этот чуждый огонь путем четкого изъяснения этого вопроса без нападок в чью-либо сторону. И ему удалось это сделать одним единственным обращением. Всякий, кто желает изучить его труды, должен воздать честь, сначала Богу, а затем ему, за разрешение данной проблемы, чему и последовали все люди здравого ума.

Он также имел счастье вернуть к вере огромное количество анабаптистов, которые обращались к нему отовсюду. Среди них бывший аббат по имени Пол Вольсе, которому Эразм в 1518г посвятил свою книгу «Христианский рыцарь». Этот человек, обращенный из анабаптистов, станет пастором церкви Страсбурга и останется служить там до самой смерти.

Среди знакомых Кальвина был также Жан Стордёр, родом из г. Льежа. Он умрет от чумы в Страсбурге. Некоторое время спустя, по совету пастора Буцера, Кальвин женится на его вдове по имени Идилет де Бюр.³

Она была серьезной и благочестивой женщиной, с которой Кальвин прожил в добром союзе, пока наш Господь не забрал её к Себе, не оставив в живых ни одного ребенка от этого брака.

В 1541 году в городах Вормс и Ратисбон в Германии состоялось несколько имперских конференций, созданных для устранения разногласий по вопросам религии. По совету немецких теологов Кальвин был в числе первых, кого пригласили. Его выступление на этих встречах значительно повысило его репутацию даже среди его противников. Филип Меланхтон, к примеру, с тех пор был с Кальвином в тесной дружбе и оказал ему особую честь, называя его Богословом.

Даже Гаспар Круцигер, замечательный человек из пасторов церкви Виттенберга, отдельно пригласил его к себе, чтобы пообщаться с ним лично на досуге. В частности, он попросил Кальвина подробно разъяснить его учение о Вечери Господней, что сделал Кальвин с удовольствием. Круцигер, поблагодарил его, признаваясь, что и сам видел этот аспект под тем же углом.

В г. Вормс Кальвин сочинил «Победную песнь» на латыни во славу Иисуса Христа.⁴ На этот труд обратили внимание из-за назойливости одного инквизитора-монаха из Тулузы, который осудил его еще до того, как увидел его напечатанным. В конце концов господин Конрад Бадиус, пастор из церкви Орлеана перевел его на французский.

Ссылки

¹ Кароли обвинил Кальвина в арианизме. В книге Больсека есть глава под названием: « Об оскорблении, которое нанес Кальвин Господу нашему Иисусу Христу, отрицая Его божественность»

² Кальвин и Фарель объявили в день Пасхи, что они не будут проводить Вечерю в городе, где происходит разгул бесчинства, непотребства, дерзости, пьянства и разврата. На следующий день они получили приказ покинуть территорию республики.

³ Кальвин женился на Иделет де Бюр в сентябре 1539. У нее остались дети от первого брака, и Кальвин был им отцом. Она умерла в 1549г., после союза, в котором не было ни тучки, ни облачка.

⁴ Это единственное стихотворение, изданное Кальвиным.

Глава 4

Возвращение в Женеву

А в это время Господь творил свои суды в Женеве. Он наказал особенно тех, которые в 1538г. занимали посты попечителей¹ и выслали из города Фареля и Кальвина.

Один из них был найден виновным в мятеже и покончил свою жизнь, выбросившись из окна. Другой был осужден правосудием к отсечению головы за убийство. Два других бывших попечителя были обвинены в мошенничестве против государства. Они сбежали и были приговорены заочно.

Освободившись от этой накипи, город стал жалеть о Кальвине. К нему неоднократно отправляли посольства, куда были задействованы уважаемые граждане из Цюриха для переговоров с первыми людьми Страсбурга. Однако, те были против отъезда Кальвина. И сам он, видя плоды своих трудов в этом городе, также не хотел уезжать из Страсбурга, несмотря на его привязанность к Женеве и её жителям.

В конце концов, понадобилось вновь обратиться к угрозам суда Божия, если он не подчинится призыву Буцера, ссылаясь на пример Ионы. Итак, к великому сожалению первых людей Страсбурга, а также и самого Буцера и других пасторов, Кальвин соглашается отправиться в Женеву на некоторое время.

Эти события произошли до того, как его назначили сопровождать Мартина Буцера на имперскую конференцию в г. Ратисборн в 1541г. По этой причине его возвращение в Женеву было отложено.

Те, кого беспокоила судьба церкви Женевы, попросили у первых людей г. Берна добиться приезда Вирета в Женеву, который на тот момент был пастором церкви г. Лозанны. В ожидании возвращения Кальвина, прибытие Вирета предотвратило полный распад молодой церкви в Женеве, которая и так сильно пострадала.

Кальвин очень этому обрадовался, зная насколько присутствие Вирета будет полезно по его возвращении Женеву. Проходит несколько месяцев и Кальвин, по приезду из Ратисборна, наконец едет в Женеву. Эти бедные люди, раскаявшиеся в своих прошлых проступках и жаждущие слушать своего верного пастора, приняли его с такой привязанностью, что вскоре было решено, что он останется в этом городе навсегда.

Первые люди Страсбурга согласились расстаться с Кальвиным при условии, что тот останется гражданином их города. Они также хотели сохранить ему зарплату, которую назначили от своей кафедры теологии.

Но Кальвин был полностью свободен от алчности этого мира, и его нельзя было заставить принять ни одного су из этих денег.² Таким образом, он был восстановлен в должности пастора в Женеве, где увиделся со своим товарищем Виретом. Итак, Бог проявил Свою чудесную милость к народу Женевской республики. Фактически, если народ Израиля отвергая Моисея задержал свое избавление на 40 лет, то не заслуживал ли народ Женевы остаться навсегда поработанным под тиранией дьявола и римского анитихриста за то, что отверг Кальвина его товарищей, преданных служителей Господа? Но Бог допустил задержку в становлении этой церкви лишь три года.

Теперь посмотрим, как Кальвин воспринял ситуацию. Он согласился быть пастором этой церкви только при условии создания рукоположенной³ Консистории и соответствующей церковной дисциплины. Он счел необходимым безотлагательно принять эти меры предосторожности. По

приказу магистратов он немедленно установил порядок и дисциплину в церкви, которые с тех пор остались незыблемы,⁴ несмотря на все совместные усилия Сатаны и его сторонников отменить их, как мы увидим это позже.

Кальвин также написал катехизм, который мы имеем сегодня.⁵ Он не изменил в нем сути учения по сравнению с предыдущим, написанным ранее в Женеве, а составил его в виде вопросов и ответов, чтобы сделать его доступным для детей. В старой версии темы были представлены только в виде кратких объяснений или выводов.

Катехизм принадлежит к одному из его шедевров, давшему свои замечательные плоды. Эта книга пользовалась таким успехом, что ее перевели с французского на другие языки.

Кальвин сам перевел его на латынь, посвятив его служителям Евангелия восточно-Фризского региона (северо-запад Германии), которые его попросили об этом. Анри Этьен перевел его на греческий, Эммануэль Треллиус на иврит, так как он был евреем и преподавал теологию в Гейделберге. Эти двое были весьма эрудированы и, как известно, хорошо владели этими языками.

В конце концов, катехизм увидел свет на итальянском, немецком, английском, шотландском, фламандском и испанском.⁶ В латинской, греческой и еврейской версиях его можно использовать в школах, а также приобретать евреев для Христа или учить греков.

Пьеру Вирету было позволено (его церковью г. Лозанны) послужить в Женевской церкви только на некоторое время. Но Кальвин, узрев большую пользу в его служении для церкви, приложил много усилий, чтобы тот остался в Женеве.

Для этого он написал письма людям, которые, по его мнению, могли бы в этом поспособствовать. Сам он отправился на Синод в г. Вевей, чтобы ходатайствовать за него. Но церковь Лозанны, взвесив и рассмотрев это дело, не дала на это согласия. Однако, к великому облегчению Кальвина, Вирету было разрешено остаться еще несколько месяцев в Женеве, пока ситуация не станет более стабильной.

Благодаря их давнему и тесному сотрудничеству, Кальвин продолжает часто писать Вирету о состоянии церкви. В своих письмах, в том числе к Фарелю, он просит своих коллег посещать как можно чаще Женевскую церковь. Они и сами всегда проявляли к ней свою привязанность и, поэтому соглашались помогать своему собрату и сослужителю всякий раз, когда имели возможность посетить Женеву и послужить церкви.

Люди также радовались доброму согласию, царившему между этими тремя замечательными служителями, и охотно слушали их проповеди. Они помнили, что божественное провидение объединило их в начале пути в деле руководства этой церкви.

Действительно, всегда находились какие-то лукавые люди, которые противились присутствию Кальвина, особенно когда он был вместе с двумя другими. Эти злодеи высмеивали союз трех слуг Божьих, называя его Треногой. Но, в конечном счете, эти нечестивцы, несмотря на свое сопротивление, вынуждены были признать, что Бог объединил сердца людей с Его верными пасторами.

Немного спустя, по возвращении в Женеву, а именно в ноябре, Кальвин узнает о смерти Капито.⁷ Эта новость опечалила его на несколько дней, потому что он видел в его уходе большую потерю для Церкви Божьей. К тому же прошел слух о том, что Буцер был поражен чумой.

Кальвин остаётся один в Женеве. Он посвящает себя руководству церкви, заботясь о том, чтобы ничего не было упущено на пути добрых начинаний.

В городе были тогда и другие пасторы. Их назначили после изгнания Кальвина, и они остались там после его возвращения. Некоторые из них были подвержены нравственному растлению настолько, что больше не могли приносить пользу своим служением. Зная, что нужно всегда стараться избегать разногласий в церкви и изо всех сил поддерживать мир, Кальвин приложил усилия, чтобы уделить время этим людям.

Он увещевал их, как того требовало их аморальное поведение, в частном порядке выговаривал им их пороки и призывал их освободить посты пасторов по собственному желанию. Наконец, Бог исправляет ситуацию, очистив церковь от тех, которые не были достойны. В этом явно проявился Его суд.

Кальвин не жалел себя и работал гораздо больше, чем могло это позволить его здоровье. Он проповедовал каждые две недели, преподавал теологию три раза в неделю, и в определенный день недели занимался вопросами дисциплины, находясь в Консистории.

Каждую пятницу он проводил изучение Писания на собрании, которое мы называем Конгрегацией (общиной). Он добросовестно посещал больных, а также тех, кто нуждался в личной помощи, не говоря уже о бесчисленных других делах, которые касались обычной практики его служения.

Кроме того, он взял на себя большую заботу о верующих из Франции, обучая, увещевая, давая советы и утешая тех, кого преследовали, ходатайствуя за них своими письмами или, заручившись ходатайством других, он делал все, что мог.

Однако все это не мешало ему работать у себя и написать несколько очень хороших и нужных книг. Мы увидим некоторые из этих работ, опубликованными в первый год его служения в Женеве. Затем, в остальной части нашей книги, мы упомянем их в ходе повествования.

Ссылки

¹ Высший орган в Женевской Республике, куда назначали сроком на один год.

² Зарплата Кальвина в Женеве была установлена в пятьсот гульденов.

³ Пресвитерия или совет старейшин.

⁴ Великий Совет окончательно проголосовал за церковные предписания Кальвина 2 января 1542 года.

⁵ Недавно вновь опубликован под руководством Пьера Марсея под названием «Выбери жизнь», опубликованный Керигмой.

⁶ Были даже версии на венгерском, баскском и польском языках.

⁷ Вольфганг-Фабрицио Капито, близкий друг Эколампада и Буцера, умер от чумы в 1541 году.

5 глава

Труды Кальвина до 1549 г.

Долгое время Сорбонна (так называли тогда факультет теологии сорбоннского университета прим. пер.) занималась составлением постулатов вероисповедания, исходя из собственной фантазии и не обосновывая их никакими солидными доводами. По этой причине в 1543 году Кальвин пишет книгу, полную аргументов и знания Библии, давая в ней истинное противоядие на основе Слова Божьего заблуждениям и вымыслам докторов из Сорбонны. Эти эрудиты так и не ответили на неё, подтвердив, тем самым, превосходство мысли Кальвина.

В том же году Кальвин составил образец молитв для проведения таинств и церемонии заключения брака, а также увещевания при посещении больных в Женевской церкви. Все эти сочинения включены сегодня в сборник Гимнов и Псалмов, в сопровождении замечательного предисловия от пера его автора о песнопении в собраниях.

Он также опубликовал книгу, посвященную Филиппу Меланхтону, в которой стремился преподать чистое учение Писания против высказываний Альберта Пигиуса, одного из величайших сторонников папства. Этот человек радикально отстаивал свободную волю человека.¹

В 1544 году Кальвин написал небольшую книгу под названием «Необходимость реформации Церкви» в виде обращения к императору Карлу Пятому, по случаю встречи Карла в городе Шпейере с князьями и властями государств священной римской империи.

Папа Павел III опубликовывает тогда свою энциклику (письмо папы к епископам), в которой выплескивает яд на императора. В самом деле, Карл Пятый на встрече в Шпейере, желая сохранить мир в Германии во время войны с королем Франции, распорядился, чтобы протестантов оставили в покое. Он также решил при первой же возможности созвать совет, чтобы разрешить имеющиеся споры в области религии.

Ввиду этого, Кальвин пишет «Комментарии на тему Отеческого предупреждения папы римского к императору (Карлу V)». Здесь Кальвин показывает с каким рвением Папа несет неразбериху, противореча Слово Божьему. Понтифик (папа), пишет Кальвин, стремится нарушить мир между людьми и, при этом, презирает власть, данную Богом магистрату. Но в то же время папа оставляет Рим (рим. кат. церковь) таковым, какой он есть, с его апостольским судом, погрязшим в пресыщении от всяческих пороков.

В том же году Кальвин написал два труда на французском языке, один - против анабаптистов, а другой против либертинцев.² Впоследствии эти две книги были переведены на латынь Николасом де Галарс.

В 1545 году Кальвин составил трактат о том, как себя вести истинно верующему среди папистов, чтобы не скомпрометировать себя их суевериями.³ Он добавляет туда опровержение аргументов так называемых Никодимитов, а также добавляет мнения Филиппа Меланхтона, Мартина Буцера и Пьера Мартира.

На эту же тему в 1546 г Кальвин опубликовал в Женеве свои две проповеди, и в 1549 г. он напечатал свой совет к пасторам Цюрихской церкви по тому же вопросу. Эта книга затронула многих людей во Франции, уснувших в идолопоклонстве. Далее Кальвин перевел свой Катехизм на латынь, чтобы в церквях, не знающих французский язык, также могли вкусить сущность и форму учения, которое преподавали в Женеве даже детям.

В 1546 году Кальвин пишет «Комментарий к двум Посланиям к Коринфянам» и берет книгу пророка Исаии в качестве темы для проповеди. Он также опубликовал небольшую книгу, где предположил, какую пользу могла принести инвентаризация всех мощей, найденных во Франции, Италии, Германии, Испании и других странах, на которые ссылаются паписты.

На этих страницах автор не только раскрывает злоупотребления и идолопоклонство, которые там творятся, но также выводит на свет вопиющую ложь священников, когда те упоминают об одних и тех же мощах, которые одновременно находятся в разных местах. Кальвин не составлял полный перечень всех этих злоупотреблений, но привел достаточно примеров, чтобы показать правдивость его утверждений.

Без сомнения, он мог бы получить больше доказательств из вышеуказанных стран, чем мы себе это можем представить. Он даже часто в шутку ворчал на своих родственников и друзей за то, что те не искали других примеров этих злоупотреблений.

Что касается Франции, то тут, слава Богу, бояться было нечего. Из-за войны разорвалось, разбилось и уничтожилось так много этой дребедени, что остается молиться Богу, чтобы оставшееся от войны исчезло более мирным путем. Два года спустя г-н Николас де Галларс перевел эту книгу на латынь.

В 1547 году Кальвин опубликовал книгу под названием «Противоядие актам Трентского собора». Он ловко в ней ставит на место преподобных отцов, одновременно утверждая верующих в простоте учения Писаний. Его книга настолько точна, что господа из Трентского собора остались безмолвны, потеряв всякую способность отстаивать свои утверждения. Их труды - это сено и солома, которые сгорают в ярком огне Священного Писания.

Кальвин также пишет письмо верующим г. Руана (Франция). Он предостерегает их, чтобы они не поддавались лжеучениям некоего монаха, которого некоторые считали заключенным за Слово Божье, но который на самом деле был либертинцем, исполненный пагубных фантазий.⁴

В 1548 году Кальвин написал Комментарии к посланиям апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппийцам и Колоссянам, и, в том числе, Комментарии к двум посланиям к Тимофею. Он также опубликовал книгу против решений Временного Декрета Аугсбурга.⁵ В ней он показывает, что истинным средством для сохранения доброго христианского мира и действенной реформы Церкви является пребывание в Слове Божиим, которое есть учение пророков и апостолов.

Кальвин пишет, что нельзя подделывать религию с помощью различных трудов людей, основанных на чьих-то фантазиях. Он также выступает против судебной астрологии, давая понять, что такие ночные занятия не могут устраивать христиан. Его рассуждения дают очень точный вывод, избегая скучного многословия.

До сих пор я довольствовался списком трудов Кальвина, написанных с момента его возвращения в Женеву до 1549 года. Читая эти труды, мы не можем не восхищаться тому, что Кальвин, помимо обычных дел, связанных с его служением, мог найти свободное время, чтобы писать или диктовать все это.

Ссылки

¹ Альберт Пигиус из Кампена (Голландия) блистал во всех богословских дебатах того времени. Ни один спорщик не был более ревностным в защите требований Римской Церкви.

² Краткие инструкции, чтобы вооружить каждого доброго верующего против всеобщей секты анабаптистов. А также служителям церкви Неошателя против фанатичной и бешеной секты либертинцев, которые называли себя духовными.

³ Некоторые во Франции поклонились католицизму из страха перед преследованиями. Позднее они оправдали свое отношение, заявив, что держат себя в чистоте духа.

⁴ Против францисканского сектанта об ошибках либертинцев, которые затем возмутили эту церковь, распространяя лжеучения Карпората. Этот учитель второго века обнаружил послание, с явными признаками синкретизма (смешивание разных религий) и разврата.

⁵ Временный декрет Аугсбурга является императорским указом от 15 мая 1548 года, разработанным по просьбе императора Карла V после его победы над лютеранскими князьями (лигой Смалкальде) в битве при Мюльберге. В то время как Карл V стремился ослабить напряженность между католиками и протестантами, в частности, пытаясь приуменьшить роль богословских и литургических преобразований протестантизма.

Глава 6

Собрание трудов Кальвина

Мы восхищаемся тому огромному количеству его трудов, когда подумаем о том, сколько у Кальвина было других серьезных забот.

Надо отметить, что не обращая внимания на свои болезни, он должен был еще и присматривать за шатким здоровьем своей жены в течение нескольких лет, предшествующих ее смерти. Он переживал о её трудной беременности, а также из-за её серьезной болезни, поразившей её на несколько месяцев в 1543 году.

В то время жена Вирета также находилась в длительной болезни, от которой она в конце концов скончалась. В 1546 году Кальвин переносит язву, вызванную болезненным геморроем. Фарелю и Вирету пришлось самим столкнуться с трудностями в своем служении и Кальвин постарался возложить на себя часть их бремени так же, как и они, его верные соратники, это сделали для него по долгу братства.

В это самое время у Кальвина были заняты руки тем, чтобы заставить некоторых соблюдать церковную дисциплину. Несколько раз ситуация грозила вылиться в огромный хаос из-за злобствования или, скорее, двуличия тех, кто должен был исправиться. Его сильно печалило такое положение вещей.

Обстановка накалилась до такой степени, что 16 декабря 1547 года в городском Совете Двухсот был поднят бунт для начала гражданского мятежа. Кальвин сразу же отправляется туда и лично вмешивается в конфликт.¹

Все эти напасти отвлекали Кальвина от изучения и толкования Писаний. Тем не менее, он всегда проявлял мужество в Господе и надеялся вопреки всему увидеть благой и мирный плод своего труда в этой церкви. По милости своей Бог, наконец, даровал ему эту возможность за несколько лет до того, как Он забрал его из этого мира.

Между тем Кальвину довелось претерпеть множество серьёзных испытаний в последующие годы.² Он сумел преодолеть их одно за другим, продолжая трудиться в том призвании, которое открыл ему Бог. И Господь даровал Кальвину увидеть плоды трудов его во всей простоте.

Этот слуга Божий не зависел ни от отдельных людей, ни от толпы, как он это уже было доказано, и Бог, несомненно, желал поддержать и воодушевить его ростом Женевской церкви. Действительно, Кальвин видел, как люди разных сословий и происхождения приезжают из разных стран в Женеву. Некоторые приходили послушать его тайно, но большинство – чтобы присоединиться к женевской церкви.³

По этой причине мы проповедовали не только на французском и итальянском, как это делается и сегодня, но также и на английском и испанском.

Церковь настолько выросла, что иностранцы, приехавшие чтобы поселиться в Женеве, основали товарищество для обеспечения нужд своих бедных, чтобы облегчить это бремя городу.

Кроме того, увидев великую духовную пользу, которую можно было извлечь из публикаций проповедей Кальвина, франкоязычные нашли человека, наделенного необходимым умением, для того чтобы их конспектировать, и выплачивали ему заработную плату, насколько им позволяли

средства. Бог настолько благословляет их старания, что почти все его проповеди были записаны и отредактированы.

В то время шли разговоры о том, как записать и сохранить его лекции. Многие, правда, и ранее пытались это сделать, и также его проповеди. Но мы не смогли все их собрать слово в слово. Вопрос стоял о том, чтобы выделять только основные тезисы, не конспектируя всё в непрерывной последовательности.

Авторы этих первых попыток Николас де Галларс, Франсуа Бургуэн и Жан Кузен, все трое - служители Священного Евангелия, достойны тем не менее похвалы. Их труды позволили другим пойти дальше и даже, если хотите, довести работу до совершенства.

Бог наделил прекрасными дарами Жана Буде, Шарля де Жонвиллера и Дениса Рагенье. Первые двое любезно нам дали транскрипты лекций Кальвина. Что касается третьего, то организация «Общество иностранцев» использовала его в качестве переводчика проповедей этого доброго слуги Божия.

В связи с этими трудами я буду в дальнейшем упоминать в хронологическом порядке, какие книги Писания толковал Кальвин в своих лекциях и проповедях. Я также расскажу о том, что он написал в форме комментариев и, что обсуждалось во время общего Собрания каждую пятницу.

На мой взгляд эта история может показаться длинной, но не излишней, потому что она лучше даст понять, как неустанно отдавал себя этот добрый человек. Он многогранно трудился над возвращением виноградики Господня, до такой степени, что Вольфганг Мускулус⁴, бывший служитель церкви г. Аугсбурга и позднее профессор богословия в Берне, справедливо и не без изящества описывал Кальвина, как «всегда натянутый лук».

Но вернемся к нашей истории. Жена Кальвина умерла в марте 1549 г.⁵ В мае он составляет компанию Гийому Фарелю в его поездке в Цюрих, чтобы составить письменное соглашение между служителями, пасторами и учителями этой церкви и церковью Неошателя и Женевы. Это соглашение касалось основных аспектов таинств : их происхождение и добродетели, их цели и использование, а также плодов, которые они несут.

Ранее Кальвин истолковал тему «Тайной вечери», как мы уже упоминали, что это удовлетворило всех. Тем не менее, Сатана сделал все возможное, чтобы вызвать спор против него даже в церкви Цюриха, которую он всегда чтит и ценит. Враг сражался напрасно, так как после встречи со слугой Божьим между церквями Швейцарии и Граубюндена было достигнуто полное согласие по этому вопросу .

Вскоре после того, а именно в начале августа, это соглашение было напечатано на латыни и на французском языке. Затем оно появилось на других языках, что послужило наставлением всему миру.

По возвращении из Цюриха у Кальвина воспалилось плечо, что принесло ему много страданий в течение длительного времени. Однако он не оставлял ни своего служения, ни книг, которые он начал писать.

В этом году в воскресенье утром он проповедовал по Посланию к Евреям. Затем он продолжил с конца августа по книге Деяния Апостолов. По вечерам в воскресенье он проповедовал по книге Псалмов, беря только те, которые еще не были переложены на стихи (т.к. по остальным псалмам он уже проповедовал), и дошел до 40-го Псалма. В другие дни недели он проповедовал по книге пророка Иеремии.

В своих богословских классах Кальвин разбирал книгу пророка Исаии для учеников, пасторов и других слушателей в течении долгого времени. Общее Собрание по пятницам он посвящает для изучения Послания к Евреям, а затем переходит к так называемым католическим посланиям.

Что касается его трудов в том же году, то они состоят из его Комментариев к Посланию к Титу и к Посланию к Евреям.

В августе 1550 года некий князь в сопровождении нескольких лордов Франции проезжал через Женеву по возвращении из Рима. Этим людям довелось послушать проповедь Кальвина о замечательном тексте: «Как львы зарыкают все они, и заревут как щенки львиные.» (Иеремия 51:38). Он истолковал его с большим изяществом, силой и простотой, но без тени бахвальства, что было присуще Кальвину.

Если бы все те, кто слушал Кальвина по этому случаю, вынесли из этого пользу, то насколько бы в королевстве Франции стало больше мира. Да даст им Бог милость вспомнить об этом сейчас, чем вообще никогда!

В том же году, закончив проповедовать по книге пророка Иеремии, он продолжил тему книги Плач Иеремии во время обычных проповедей на неделе. 12 ноября он начал исследования пророка Михея. По завершении изучения книги пророка Исаии он изложил книгу Бытия в своих лекциях. Во время общего Собрания по пятницам он изъяснял Евангелие от Иоанна.

Он также напечатал свой комментарий к посланиям к Фессалоникийцам и книгу под названием «Скандалы». В ней он показал, что ничто не должно нам мешать принять Иисуса Христа и его Евангелие и проявлять стойкость до конца в соответствии с нашим призванием. Те, кто оставил этот путь, показал он, делают это по причине незнания Иисуса Христа.

Примерно в 1551 году Кальвин опубликовал первое издание своего комментария к Исаии. Эта работа была тщательно записана в ходе лекций и проповедей господином де Галларсом, служителем в Женевской церкви. Был напечатан также комментарий к так называемым католическим посланиям.

В течении недели он проповедовал по малым пророкам, начиная 6 февраля с книги пророка Софонии, 2 апреля - Осии, 5 сентября - Иоилия, и 28 октября - Амоса.

В том же году он получил печальное известие о смерти Буцера в Англии.⁶

Ссылки

¹ Речь здесь идет о первом бунте, поднятом Амиедом Перрином и его женой. Этот человек когда-то защищал Кальвина. Он принимал участие в делегации, с которой он вернулся из Страсбурга. Похоже, что влияние его жены побудило его все больше и больше сопротивляться реформатору.

² Перрин и его партия стремились передать контроль церковной дисциплины из юрисдикции Консистории в компетенцию Совета Женевы (т.е. правительству прим. пер.).

³ В 1554 году в Женеве проживало более 1300 беженцев.

⁴ Вольфганг Мускулус, один из самых известных евреев своего века, был сыном бондаря. Он вступил в монастырь бенедиктинцев в возрасте пятнадцати лет, но вскоре ему пришлось покинуть его из-за его убеждений. Нужда заставила его стать ткачом, а затем работать в качестве рабочего на строительстве крепости Страсбурга. Буцер использовал его в качестве переписчика. В свои сорок лет он занялся изучением греческого и арабского языков.

⁵ «Я потерял превосходную спутницу в моей жизни, - пишет он Вирету, - та, которая никогда меня не покидала, ни в изгнании, ни в нищете, и которая не хотела меня пережить. Пока она жила, она верно помогала мне исполнять мой долг ...»

⁶ Буцер был вызван в Англию Крэнмером, архиепископом Кентерберийским. Он проповедовал там до самой смерти. В царствование Марии его тело выкопали и сожгли, но Елизаветта I воздвигла памятник в его память.

Глава 7

Залпы Сатанинской артиллерии

Мы подошли в нашем повествовании ко времени событий, когда появился целый ряд серьезных противников, угрожавших нанести ущерб всем усилиям в деле укрепления церкви. Конечно, враги истины никогда не сидели сложа рук. Но теперь мы увидели, как мощная артиллерия дьявола стремилась разбить основания того дела, которое совершал Бог в Женеве.

Где-то в 1551 году в Женеву из Парижа прибывает некий Джером Больсек, в прошлом из кармелитов (монашеский орден). Этот человек впоследствии сменил профессию богослова на доктора, или, скорее, шарлатана.

Думая, что он все еще заперт во тьме своего монастыря, а не в церкви Бога, о которой он кроме слухов ничего не знал, Больсек начал продвигать себя то там, то сям, в том числе и в церкви. Так, на одном из собраний церкви он высказал критику на учение о провидении и вечном предопределении Бога.

Кальвин тут же опроверг его идеи, чтобы наставить его на правильный путь, не давая ему повода для озлобления. Он удовлетворился тем, что ответил публично Больсеку, чтобы люди, присутствовавшие на собрании, не ушли домой введенными в заблуждение этим лжеучением. Кальвин старался исправить заблуждение бывшего монаха, не нападая при этом на его личность.

Позже пасторы церкви вызвали Больсека для личной беседы. Это совещание состоялось 15 мая. Они достаточно долго разговаривали с ним, указывая ему на различные места в Писании, где он ошибался.

Но, проявив большое упрямство, он не представил никаких приемлемых аргументов в защиту своей точки зрения. Он даже признался, что не знает, как ответить на один из текстов из книги Иезекииля, предложенный ему, чтобы показать его заблуждение.

С тех пор этот человек стал распространять свой яд втайне. Поскольку Бог не захотел, чтобы это нанесло ущерб пастве, Он заставил Больсека вновь себя проявить. Случилось так, что по просьбе некоторых людей дурных намерений, Больсек опять начал открыто высказывать свои заблуждения на всеобщем собрании.

Во время всеобщего Собрания 16 октября был разобран отрывок из главы 8 Евангелия от Иоанна 47: «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога.»

Именно тогда Больсек надутно произнес длительную речь о том, что мы Бога сделали автором греха и виновным в осуждении нечестивых. По его словам, мы сделали Бога тираном или «Юпитером». Он добавил, что его хотели заставить поверить в то, что Августин имел такое же мнение, хотя ни он, ни все древние учителя, по его словам, не придерживались этого взгляда. Наконец, он призвал людей обратить внимание на одно новое учение, которое многие продвигают сегодня, приписывая ему авторство некоего Лорана Валла.¹

Обнаглевшему Больсеку показалось, что он сможет соблазнить людей, надеясь, что Кальвина не окажется на этом собрании. Однако, не следует думать, что другие пасторы, в том числе Гийом Фарель, приехавший из Неошателя, чтобы посетить церковь и своих друзей, остались бы безмолвны.

Но Богу было угодно, чтобы Кальвин прибыл инкогнито, вскоре после начала выступления Больсека. Он терпеливо позволил ему закончить, прежде чем выйти вперед и решительно противостоять этому переодетому волку в овечьей шкуре. В течении почти часа он отвечает ему по пунктам. В дополнение к большому числу свидетельств Священного Писания, Кальвин предоставляет множество отрывков из Августина с такой легкостью и знанием, что, казалось, что он их только что прочел.

В заключение он добавил: «Воздаю славу Богу, мудро позволившему вывести на чистую воду болтовню Больсека и хорошо разглядеть как он, прикрываясь Августином, желал нанести ущерб церкви.»

Фарель поднялся после Кальвина и дал краткое увещание, исполненное благоговения и величия, дабы никто из присутствующих не отвернулся от святого учения. Монаху нечего было ответить. Один из присутствующих там должностных лиц правосудия, человек благочестивый, приказал схватить его по уходе из здания церкви и посадить в тюрьму.

В течение нескольких дней Кальвин и его коллеги посещали Больсека и терпеливо разъясняли ему, в чем состоит его заблуждение, как устно, так и письменно. Будучи вызваны для этой цели судом, они посвятили этому немало времени. К тому же и другие церкви Швейцарии согласились со мнением Женевы. Таким образом, единственным аргументом этого противника истины осталась его монашеская наглость, которую он проявил во время суда 23 декабря. Там ему вынесли приговор о его публичном изгнании, как это было принято.

Ничего удивительного в этом не было, поскольку он закономерно заслужил такой участи, что было ясно с самого начала. Он собственноручно осудил себя, о чем свидетельствуют его поступки, что признает любой здравомыслящий человек.

Этот негодяй заслужил наказания за свой мятежный поступок. Но магистраты довольно осторожно отнеслись к нему, надеясь, что это поможет устранить его софистическое невежество. Однако, позднее его нашли виновным во многих скандалах, а также в причинении зла в соседних церквях, за что он трижды был изгнан из земель лордов города Берна.

Став невыносимым для всех, на всеобщем синоде французских церквей в Орлеане в 1562 году этот человек раскаялся в своих заблуждениях и, в особенности, своей нечистой совести, воздав хвалу Господу. Мы понадеялись было на что-то доброе у него. Но позднее, бывший в нем злой дух, вернул его к своим первоначальным ошибкам.

Будучи по достоинству изгнанным отовсюду, Больсек теперь скитается, служа свидетельством гнева Божия против тех, кто противится истине.²

В остальном, что касается скандала, который он вызвал в Женевской церкви, то без сомнения, благодаря Божией помощи в лице Его слуги удалось избежать распространения опасной смуты. Многие люди простого ума были обмануты, чему обрадовались злые духи, увидев в этом возможность противостоять истине Божией.

Этот случай подтвердил справедливость слов апостола Павла, когда он предупреждал, что при появлении ереси есть и те, кто останется верен Слову Божьему и не введётся в заблуждение. Фактически, многие из тех, кого соблазнил этот лгун, позднее еще более укрепились в вере, когда им разъяснили, в чем суть его лжеучения.

Тем не менее, осталось несколько упрямец, среди которых стоит выделить лорда Фалэйкса, по имени Жак де Бургонь. Этот человек пользовался признанием и уважением многих людей и хорошо

зареккомендовал себя в церкви в течение нескольких лет. Он и его жена, используя этот момент, решили отвернуться от учения нашей церкви, несмотря на то, что их друзья и прислуга, а также пасторы побуждали одуматься.

В декабре приближался день празднования святой Вечери, и пасторы сочли нужным поручить Кальвину рассмотреть тему предопределения на всеобщем Собрании 18 декабря, дабы объединить всех верующих в святом единстве веры. После этого Кальвин вместе с пасторами Женевы и окрестностей засвидетельствовали об истинности этой статьи вероучения так, как Бог вложил в сердце каждому высказаться по этому поводу.

Помимо пасторов, также и некоторые из более образованных прихожан высказались о своём убеждении в этой истине, к огромному назиданию всех. Чтобы закрепить это торжественное событие, был напечатан протокол этого Собрания.

В начале 1552 года, была напечатана книга о «Предопределении и Провидении Бога», в которой Кальвин лучшим образом доказывает это святое учение. В этой же книге он представляет позицию, в соответствии с Писанием, всех верных церквей и, особенно, пасторов Женевы. Он также публикует первый том своих комментариев к книге Деяния Апостолов, который охватывает первые тринадцать глав.

В том же году 5 февраля Кальвин начал проповедовать на тему книги пророка Авдия, затем по книгам пророков Ионы, Наума и Даниила. 21 ноября он начал изучение книги пророка Иезекииля. Закончив изучение книги Бытие, он начал излагать книгу Псалмов.

Примерно в марте 1553 года Кальвин, узнав о болезни Гийома Фареля, несмотря на дождь и холод, поехал его проведать, доставив Фарелю немалое утешение. Фарель думал, что ему оставалось недолго жить и, поэтому испытал большую радость общения с Кальвином, его старым соратником на поприще Божиим, к которому всегда имел уважение и которым восхищался, как истинным органом Духа Божьего.

Пробыв несколько дней со своим другом, Кальвин уезжает, найдя бесполезным свое дальнейшее присутствие, так как Фарель уже не разговаривал. Даже врач, г-н Филиберт Сарразан, считал его конец очень скорым.

Однако, против всех ожиданий, Бог вскоре восстановил здоровье Фареля. Это выздоровление обмануло надежды тех нечестивцев, которые уже насмеялись, говоря: «Теперь тренога останется без одной ноги.»

В том же году Кальвин посвящает попечителям и советникам в Женеве Комментарий к Евангелию от Иоанна. А во время собраний по пятницам он начал толковать сходство трех первых Евангелий.

В это время появляется Мигель Сервет (о котором мы уже говорили раньше), этот проклятый в памяти испанец, не человек, а скорее чудовище, состоящее из смеси всевозможных ересей, старых и новых. Он осуждал крещение младенцев и, сверх того, произносил отвратительные богохульства против Троицы, в особенности против вечной сущности Сына Божьего.

По прибытии в Женеву Сервета узнали некоторые, кому уже довелось с ним встречаться в другом месте. 13 августа магистраты арестовывают его за богохульство. Кальвин сражается против его ереси с помощью Бога и Его Слова с таким напором и силой, что Сервету не остается никакой другой защиты, кроме его неукротимого упрямства. Из-за такого поведения Сервета приговорили 27 октября справедливым судом Бога и людей к смертной казни сожжением на костре.

Так наступил конец его жалкой жизни и его богохульствам, которые тот распространял вслух и своей писаниной более тридцати лет подряд. Нет необходимости говорить об этом дальше, учитывая тот факт, что вскоре после этих событий в 1554, году Кальвин написал книгу, в которой показывает, что истинная и праведная вера относится только к одной Божественной Сущности в трех лицах.

В этой книге он опровергает отвратительные заблуждения жалкого Сервета и доказывает, что у магистрата есть власть усмирять еретиков. По этой причине, говорит он, этот злой человек, имея все явные признаки осуждения, по праву понес наказание смертной казни в Женеве.³

В 1554 году, начиная с 26 февраля, Кальвин проповедовал в течении недели по книге Иова. Завершив тему книги Деяния Апостолов, с 25 марта он начал тему послания к Фессалоникийцам во время воскресных проповедей; как вечером, так и утром. После этого, 16 сентября, он взялся за первое послание к Тимофею.

В январе того же года он также опубликовал второй том своего «Комментария к Деяниям Апостолов», который охватывает последние главы Книги, начиная с 14-ой и до конца. В августе выходит в свет его Комментарий к Книге Бытия.

Некий мечтатель и непорядочный человек написал клевету относительно соглашения, достигнутого в 1549 году между церквями Цюриха и Женевы по вопросу о таинствах. Чтобы ответить этому сумасшедшему, Кальвин 28 ноября написал на латыни и на французском языке декларацию статей, содержащихся в этом соглашении. Он посвятил эту декларацию пасторам Цюриха, Берна, Базеля, Шаффхаузена, Гойра, а также всех районов Граубюндена, Сент-Галла, Биенна, Мюлуза и Неошателя.

В то время, когда Кальвину приходилось сражаться против Сервета, в городе зарождались очень опасные тенденции, ведущие к гибели церкви, лишая её дисциплины.

Некоторым из наиболее видных людей Совета, которые узурпировали власть в правительстве, не понравилось, что Слово Божье проповедовалось со всякой силой и прямоотой. К ним присоединились некоторые развратные и неисправимые люди, которым Консистория по праву запретила принимать Вечерю, пока те не проявят своего раскаяния и не изменят свою жизнь. Эти люди уже давно были в сговоре с целью нарушить добрый порядок в церкви, но Бог до сих пор не позволял распространяться их влиянию.

Эти люди не могли и не осмеливались дойти до того, чтобы упразднить Консистирию, осуществлявшую духовную юрисдикцию по предписанию Иисуса Христа для своей Церкви. Но их недовольство было настолько велико, что они стали ссылаться на полномочия Совета города Женевы, чтобы оправдать тех, кому Консистория препятствовала участвовать в Вечере Господней и позволить им принимать таинство.

Чтобы облегчить введение такого новшества, они согласились на прибытие в Совет одного из пасторов, в присутствии которого магистрат оправдал бы тех, кого отлучила Консистория.

Но Кальвин, будучи членом Консистории, сумел хорошо раскрыть этот заговор, так что решено было пойти и сразиться на Совете Женевы с этими противниками от имени всей Консистории.

Таким образом, Кальвин и все другие пасторы Женевы и близлежащих деревень, лично отправили жалобы руководителям Совета на тех из них, которые замыслили такие вещи (но, не называя их имен). Пасторы заявили, что ни один из членов Совета не может быть связан с таким нечестием, иначе они будут вынуждены покинуть свое служение в женевской церкви.

Несмотря на сопротивление Консistorии и всех пасторов, некий Амьед Перрин, первый попечитель в Совете, о котором мы поговорим позже, решил перейти к решительным действиям. Он дал письмо одному человеку дурного поведения (пользовавшегося его расположением⁴), которое позволяло тому принимать Вечерю, в то время, когда это было ему запрещено.

Эти люди вообразили, что Кальвин и другие пасторы не посмеют ему отказать, когда тот предстанет на собрании, поскольку это спровоцирует мятеж, который нанесет ущерб, в особенности, пасторам. Но Бог продемонстрировал, насколько та выдержка, которую Он дает Своим слугам, имеет гораздо лучшее основание, чем упрямство нечестивых.

Кальвин, хотя и узнал об этом только за два дня до первого воскресенья сентября, в которое намечалось провести Вечерю, решил исполнить свой долг любой ценой. Все его товарищи приняли то же решение. Они решительно не позволили осквернить святое таинство, давая автору скандала возможность нарушить священный порядок, установленный с давних пор в этой церкви.

В то воскресенье, в конце своей проповеди, Кальвин призвал церковь принять Вечерю с достойным почтением. Он предпочел бы умереть на месте, чем предоставить Причастие тем, кому это было не дозволено. Если хоть один из них, - добавил он, - все же посмеет, он увидит каков будет результат. Эти слова застали врасплох этих злых людей и они не осмелились принимать Причастие.

Во второй половине того же дня, во время богослужения, согласно тексту главы 20:31-32 Деяний Апостолов, где апостол Павел обращается к старейшинам церкви в Эфесе, Кальвин дал замечательное увещание для всей церкви словами апостола: «Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его... ».

Проповедник заявил, что он всегда готов служить всей церкви, как в частном порядке, так и публично. Однако, ему виделось, что, возможно, это была его последняя проповедь в Женеве. Действительно, те, кто был наделен властью в городе, хотели заставить его пойти против Бога.

Поэтому Кальвин призывал людей не сосредотачиваться на его личности, но на Слове Божьем, которое им проповедовано. «Поэтому я должен, - сказал он, - говорить с вами так же, как и Апостол Павел: Братья, я предаю вас Богу и слову благодати Его.» В течение года Совет занимался этим вопросом, прежде чем вся эта затея закончилась ничем.

Но Бог благословил святую стойкость Своих слуг. Принимая во внимание мнение церковью Швейцарии, было решено окончательно, что Консistorия останется в своем прежнем положении, не уступая своего права на духовную юрисдикцию.

Ссылки

¹ Один из самых именитых философов пятнадцатого века. Он писал против тайны Троицы, о свободной воле и т. д. Инквизиция приговорила его к сожжению заживо на костре. Но этот приговор остался неисполненным.

² Джером Гермес Больсек был капелланом герцогини Феррарской, когда он принял протестантизм. После своего изгнания из Женевы он снова стал католиком и умер после второго брака. Он опубликовал против Жана Кальвина и Теодора де Беза два памфлета неслыханного неистовства, но не имевших никакой исторической ценности.

³ Беза также опубликовал небольшую книгу по этому вопросу, где он постарался оправдать судей Сервета, чьи заблуждения не исчезли вместе с ним. Многие из утверждений, которые он тогда исповедовал, появились вновь.

⁴ Некий Филиберт Бертелье. Он и его брат Франсуа, сыновья одного Женевского героя и мученика за свободу, принадлежали к группе, которая систематически выступала против Кальвина. Филиберту запретили принимать Причастие с 1551 года.

Глава 8

С мечом за поясом и мастерком в руках

В 1555 году кучка злодеев, возглавляемая неким Перрином и его сообщниками из членов совета Женевы, увидев, что им не удастся превозмочь авторитет Консистории, попыталась достичь своей цели, применив насилие. Предлогом выбрали недавнее прибытие в город некоторых французов, пожелавших там поселиться. Эти люди из правительства Женевы притворились, что они опасаются измены со стороны новоприбывших.

Перрин и его сообщники хотели, таким образом, избавиться от благочестивых людей в правительстве, чье присутствие мешало их затеям, а также от некоторых французов. Это позволило бы им поменять ситуацию в городе и церкви так, как им заблагорассудится.

Но Богу было угодно, чтобы однажды вечером, некоторые из них, находясь в состоянии опьянения, проболтались о своем заговоре. Их лидеры увидели в этом плохой знак и очень скоро сбежали, спасая свои жизни и забыв о своей чести.

Бог знает, что Кальвин, являясь главной мишенью заговорщиков, перед лицом такой угрозы, никоим образом не охладил к исполнению своих обязанностей. Кроме того, раскрытие этого заговора значительно поспособствовало развитию Церкви Божьей. В самом деле, люди стали проявлять большее послушание Слову Божьему, процесс святой реформации церкви шел в правильном русле, а беспорядки пресекались и наказывались должным образом.

Кальвин радовался в Господе. Было заметно, как эта радость по поводу улучшения ситуации приносит пользу даже его здоровью, ободряя его в усердном служении церкви.

По правде сказать, этот заговор породил многочисленные угрозы и затруднения. Но Господь, по Своей великой милости и через мудрость Своего слуги, наконец, даровал небывалые благополучие и мир, которые этот город когда-либо видел.

20 марта того же года Кальвин начал проповедовать по книге Второзаконие во время обычных еженедельных собраний. 21 апреля он взялся за второе послание к Тимофею в воскресных проповедях, а затем за послание к Титу, прежде чем, 20 октября, продолжить по первому посланию к Коринфянам.

Кальвин также напечатал книгу «Гармония трех синоптических Евангелий», чтобы показать созвучие, которое объединяет евангелистов. В остальном, он продолжил проповеди по книге Псалмов на собраниях каждую пятницу.

В то время внимание было сосредоточено на одном местном адвокате по имени Матьё Грибальд, лорде де Фарж, который придерживался заблуждений Сервета и тайне распространял их то там, то сям. Этого человека призвали предстать перед собранием пасторов, где присутствовали также некоторые члены Совета и старейшины Консистории. Цель встречи с Грибальдом заключалась в том, чтобы попытаться отвратить его от ошибок.

Наш адвокат прибыл в окружении нескольких итальянцев. Думаю, что это как-то связано с тем, что он когда-то проживал в Италии и преподавал там право в городе Падуя. У входа он спросил на латыни: «Где Кальвин?», протягивая руку, чтобы представиться.

Но Кальвин, ответив: «Вот я», не захотел подать ему руки, потому что, сказал он: «Было бы неразумно подавать вам руку, пока мы не пришли к согласию в отношении вероучения. Мы не должны начинать с церемоний». На этом Грибальд удалился, сказав: «Прощайте, господа».

Затем его вызвали в ратушу, чтобы он ответил первым лицам Совета: почему он отказался обсуждать учение в присутствии пасторов? Он пожаловался, что, отправившись в дом Кальвина, тот отказался с ним разговаривать. При этом он хвастливо добавил: «Мне приходилось общаться с князьями, царями и императорами».

На что Кальвин ответил: «Господин де Фарж хвастается, что общался с князьями и королями, а я отказался разговаривать с ним. Что до меня, я не буду хвалиться разговорами с великими властелинами. Я только скажу, что каждый день я говорю со всеми, кому я нужен, даже с самыми бедными и незначительными. Что касается г-на де Фаржа, чье собственное свидетельство говорит мне о том, что он придерживается заблуждений по основным пунктам нашей веры, то я не хотел вступать с ним в дискуссию без свидетелей. Это было бы пустой тратой времени. Я знаю привычки людей такого рода. Что ж, он отказался разговаривать со мной в присутствии хорошей компании».

Кальвин опроверг заблуждения Грибальда, который вскоре уехал из Женевы. Знаменитый герцог Виттембергский уволил его по той же причине из Тюбингенского университета. Продолжая свои богохульства, он был заключен в тюрьму властями Берна, а затем освобожден после того, как отрекся от своих ошибок. Он оставался на территории Берна до сентября 1564 года. Затем он умер от чумы, так и не изменив своих взглядов.¹

В мае 1556 года Кальвина начала мучить лихорадка, на первые признаки которой он не обращал внимания. Его соратники хотели найти ему замену, чтобы облегчить его служение, но он не счел это нужным. Второй приступ лихорадки произошел в воскресенье 10 мая. Во время богослужения Кальвин должен был представить всей церкви двух новых пасторов. Один из них заменил умершего пастора, а другой был назначен вместо человека, уволенного за растрату.

Кальвин не обращал внимания на свою лихорадку или, скорее, пренебрегал ею (служение церкви доставляло ему огромное удовольствие). Незадолго до того, как он покинул свой дом, чтобы пойти в церковь, по его пальцам можно было увидеть приближения беды. Но он сумел это скрыть и поднялся на кафедру. После молитвы и пения Псалма он начал проповедовать.

Он попытался сесть в то время, когда его лихорадило, но, в конце концов, был вынужден извиниться перед собранием и вернуться домой, не закончив свою проповедь. Чтобы восполнить его отсутствие и довести богослужение до конца, один из присутствующих пасторов, а именно, Николас де Галларс, продолжил изложение текста, начатого Кальвином, и прекрасно сумел завершить проповедь .

16 июля того же года во время обычных еженедельных собраний Кальвин берется проповедовать по книге пророка Исаяи, по которой он уже проповедовал в церкви и колледже.

26 августа в сопровождении нескольких друзей он отправляется во Франкфурт по просьбе первых людей этого города. Они действительно попросили его приехать, чтобы уладить некоторые проблемы, возникшие во французской церкви, которую власти гуманно приняли в своем городе. Его путешествие увенчалось успехом и послужило во благо той церкви, к большому удовлетворению властей Франкфурта.

По возвращении у него случился приступ геморроя и обострилась язва, которая давала о себе знать и ранее. Причиной этому послужили длительная дорога и напряжение. Однако он не сдавался и не пренебрегал ни одной из своих обязанностей.

В том же году он написал небольшую книгу под названием «Реформация», чтобы заставить замолчать одного мошенника.² Кальвин написал эту книгу в связи с прибытием этого человека в Женеву со своей проституткой. Проявив подлинный характер бесстыдного мошенника, он был вынужден удалиться сначала в Лозанну, а затем на территорию Берна, откуда, благодаря его «прекрасным делам», его выгнали под угрозой наказания розгами.

Эта участь вызвала у него столько негодования, что, вернувшись во Францию, он пишет некое послание, напечатанное под заголовком: «Господам - попечителям Женевы». В этом письме он искажает учение Кальвина, а также церкви и колледжа Лозанны. Это письмо не осталось, слава Богу, без ответа, который удовлетворил (или, скорее, неудовлетворил) этого человека настолько, что он с тех пор замолчал. Похоже, он не знал, что ответить.

Кроме того, в том же году Кальвин пересмотрел свои комментарии ко всем посланиям Павла, а также к посланию к Евреям и к католическим посланиям. При этом он посвятил комментарий к первому посланию к коринфянам лорду Галеасу Караччоле - маркизу де Вик. Таким образом, он заменил свое прежнее посвящение лорду де Фалэкса, который восстал и принял ересь Джерома Больсека.

Ссылки

¹ Это то, что подтверждает приветствие в этом городе, которое дали Валентину Джентилю, о котором мы поговорим позже.

² Полное название этого письма: Реформация, чтобы заставить замолчать одного мошенника по имени Антуан Кателан, францисканца из Альбижуса.

Глава 9

Новые сражения

В 1557 году Кальвин опубликовал свой Комментарий к Псалмам и напечатал Лекции по кн. пророка Осии. Он также написал на латыни три письма или, скорее, предупреждения некоему Иоахиму Вестфалю, который пытался перевернуть здоровое учение о Причастии. В своем третьем письме Кальвин пишет, что если этот человек не вернется к истине, он будет считать его упрямым. Вестфаль, однако, продолжал костенеть в своем упрямстве, пока я сам не ответил ему в 1558 году и не опроверг все его аргументы.

В последний день февраля Кальвин начал изъяснять второе письмо к Коринфянам во время воскресных проповедей. После этого, начиная с 14 ноября, он взялся за послание к Галатам. В воскресенье 15 мая 1558 года он начал свои проповеди к Ефессянам. Будучи болен четвертной лихорадкой¹ (о чем мы упомянем позже), в начале года Кальвин пишет ответ на клевету одного мечтателя.

Этот человек, не называя себя (речь идет о Себастьяне Шастильоне), попытался дискредитировать святое учение о тайном провидении Бога. Я также подробно ответил на его клевету.

Поскольку этот Шастильон, приняв вид кротости, хотел представить Кальвина как человека, полного извительности и горечи, будет хорошо поговорить об этом поподробнее. Таким образом, каждый

сможет увидеть, каким человеком, а точнее, чудовищем, был этот Себастьян Шастильон. Кальвин ясно дал понять, что оставил бы его в покое, если бы тот, злословя здоровое учение, не вынудил его пойти на конфронтацию.

Шастильона, благодаря его владению языками и определенным навыкам в латыни, назначили директором школы в Женеве. Будучи человеком честолюбивым, он настолько предался своему тщеславию, что, в итоге, в нем утонул. Он не удосуживался даже ознакомиться с комментариями и другими документами, чтобы пересмотреть свое мнение.

Он открыто осудил одну из канонических книг Писания, как грязную и бесстыдную. Песнь Песней, это книга, которая передает прекрасную тайну на языке и в образах повседневной жизни человека, как это продемонстрировали древние отцы, в особенности Григорий и Бернар.

Шастильон, получив выговор, публично выступил с тысячей оскорблений против пасторов женевской церкви. Судьи приказали ему подкрепить его обвинения доказательствами. Однако, поскольку он не смог этого сделать, его признали виновным в злонамеренной клевете. Ему было приказано покинуть город после того, как он публично признает свою вину.

Шастильон уехал в Базель, более не причинив вреда до того момента, пока не возникла тяжба с Джеромом Больсеком из-за учения о предопределении. Будучи тайным почитателем анабаптистского учения, Шастильон умел, тем не менее, с легкостью приспосабливаться ко всем. Но, в конце концов, он все же полностью себя раскрыл. Его также сильно разозлила смерть Сервета. Он публикует книгу под псевдонимом Мартина Белли, которую напечатал на латыни и на французском языке. Я лично ответил на его заблуждения и богохульства в этой книге.

Далее, под псевдонимом Феофила он печатает трактат на латыни под названием «Теология германика», и на французском языке «Трактат о старом и новом человеке». Наконец, он переворачивает или, скорее, извращает всю Библию на латыни и на французском языке с такой невиданной наглостью и невежеством, что можно только удивляться тому, как человеческие умы могут восторгаться этими переводами. Всё «новенькое» обычно всегда привлекает амбициозные умы, коих всегда хватает на нашем веку.

Чтобы показать ошибки, допущенные Шастильоном в его французском переводе Библии, из-за его упрямства и отказа принять хороший совет, я вставляю здесь слова Кальвина по этому вопросу, написанные в 1542 году одному из его друзей: «Позвольте мне рассказать вам о комическом поведении г-на Себастьяна, которое вас опечалит и развеселит одновременно. На днях он зашел ко мне узнать моё мнение о публикации его перевода Нового Завета.

Я ответил, что его перевод нуждается во множестве исправлений в разных местах. Он спросил меня почему, и я показал это ему в двух или трех главах, которые он мне давным давно предоставил на экспертизу. Он заверил меня, что впредь будет более аккуратным и точным, работая над остальными текстами.

Однако, чтобы вам показать его способности и его аккуратность, я приведу пример. Силясь заменить простые слова, он доходит до извращения самого смысла текста. Там, где в тексте говорится: «Дух Божий обитает в нас», он ставит «который посещает».

Но ведь слово «посещать» означает - навещать или приходить время от времени, но не «обитать». Эта небольшая элементарная ошибка ставит по вопросу весь перевод. Что до меня, то я не хочу тратить свое время на такие глупости».

Возвращаясь к нашей теме, Шастильон напечатал латинский перевод своей Библии в Базеле, предварив ее посланием к покойному королю Англии Эдуарду. В этом послании, под предлогом проповеди милосердия, он отвергает авторитет Писания, называя его неясным и несовершенным. Он влечет нас к каким-то особым откровениям, а именно, к бредням первого попавшегося мечтателя, которому заблагорассудилось себя проявить.

Сюда Шастильон включает также свои примечания к девятой главе послания к Римлянам, где он открыто насаждает пелагианство. Он отказывается признать порядок, установленный Богом, а также всё то, что по своей природе является хорошим. Таким образом, он измышляет в Боге (немыслимое) соизволение, которое противоречит Его воле, и обвиняет нас в том, что мы Бога сделали автором греха.

Все вышеупомянутое нельзя отнести к верному слуге, которого Бог поставил в Женеве, тем более что на все ошибки и клевету Себастьяна Шастильона было отвечено уже тысячу раз. Тем не менее враг сделал сборник некоторых статей о вере и аргументов на латыни, некоторые из них он якобы извлек из трудов Жана Кальвина, добавив к ним кое-какие возражения.

Эта брошюра была отправлена специальным курьером в Париж для печати. Но Бог усмотрел так, что оригинал оказался в наших руках. Мы напечатали его сами, сопровождая достойными комментариями.

Услышав об этом, Шастильон, не зная что ответить пасторам и служителям церкви Базеля, удовлетворился тем, что отверг свое авторство этой книги. Вскоре после этого, его вызывают на дебаты в Базель, чтобы дать ответы на тему о свободной воле и Божиим провидением, где его лжеучение и было осуждено.

Несколькими годами ранее Шастильон был назначен профессором греческого языка теми, кто еще не знал о его заблуждениях. Но так как он продолжал их сеять при каждом удобном случае, ему запретили высказывать свое мнение или вступать в дискуссии, как в устной, так и письменной форме. Ему позволялось лишь исполнять свои обязанности преподавателя греческого. -

Одержимый немеренными амбициями и дыша ненавистью ко мне, Шастильон пишет брошюру под названием «Совет безутешной Франции», будучи в то время, к моему великому сожалению, заперт во Франции из-за гражданских войн. Он не указывает в ней ни своего имени, ни названия города, где была напечатана эта брошюра, хотя и жил в свободном городе.

На страницах брошюры он обвиняет все французские церкви в мятеже и восстании. Он призывает каждого придерживаться своих собственных взглядов, открывая таким образом дверь ко всем ересям и ложным учениям. Я не соизволил отвечать на этот «Совет», который слишком откровенно выдавал некомпетентность своего автора и его убогий опыт в таких вещах.

Я ограничился лишь ответом на некоторые нарекания, которым тот меня подверг, приписывая мне гнусные и невыносимые ошибки, якобы в защиту от моих нападков на его латинский перевод Библии.

Мой ответ, посвященный пасторам церкви в Базеле, спровоцировал появление Шастильона в этой церкви, а затем перед первыми лицами города. Ему было приказано ответить на мои обвинения при помощи его собственной писанины. Но вскоре после этого события его постигает смерть.

Некоторых, несомненно, огорчит это длинное повествование, словно я говорю как человек, который не может даже из чувства сострадания оставить в покое мертвых в могиле². Но Бог знает, что я никогда не питал ненависти к этому человеку при жизни. Хорошо ли, плохо ли, мне никогда не приходилось

общаться с ним лично, и теперь выглядит так, как-будто я ненавижу и преследую мертвых, отданных на суд Господа. Но необходимо было упомянуть обо всем этом, чтобы впоследствии побеспокоиться о его трудах и учениках, которых этот человек оставил после себя.

В том же году среди множества богобоязненных и верных людей из итальянской церкви в Женеве нашлись некоторые умы, которые тайно, при каждом удобном случае, стали вновь распространять ереси проклятого Сервета.

Они распространяли богохульства против трех лиц божественной сущности, лишая Иисуса Христа Его божественности, иногда открыто, иногда косвенно. Среди этих людей были также: некий выходец из Калабрии, по имени Валентин Жентиль, выходец Сардинии и Пьемонте по имени Жан-Поль Алсиат, а также врач по имени Жорж Бландрата, выходец из Салуццо.

Пастор итальянской церкви, увидев скрытое присутствие этого яда, попросил совета у Кальвина. По совету последнего было составлено исповедание веры, которое все должны были подписать после того, как ответственные люди представят его собранию. Тем, кто сомневался, была дана возможность получить разъяснение.

Это собрание состоялось 18 мая в присутствии пастора, пресвитеров и всей итальянской церкви, а также Кальвина и других пасторов Женевы. Присутствовали также и некоторые уполномоченные члены Совета.

Во время собрания поднялись некоторые и стали выражать своё несогласие, приводя свои доводы в течение трех часов. Среди несогласных был также Жан-Поль Алсиат, о котором мы уже упоминали.

Но Кальвин, по милости Божьей, отвечая им, так убедительно прояснил эти вопросы, что все присутствующие из итальянской церкви подписали это исповедание веры, за исключением шести человек, среди которых был Валентин Жентиль. Он и другие стали впоследствии распространять свой яд втайне. Чтобы соблазнить простые умы, а также привлечь других к своим идеям, он стал превратно преподносить свои заблуждения. Но когда его разоблачили, то вызвали на Совет, где и объявили виновным в лжесвидетельстве.

Не имея других отговорок, он стал изворачиваться, что якобы не мог молчать, поскольку совесть ему не позволяла иначе. Его вновь выслушали по всем его статьям в присутствии многих знатных и ученых людей. Но Кальвин так прижал Жентиль доводами из Писания, что последний не знал, что ответить, сказав, что он ничего не понимает в искусстве ведения диспута.

После этого он изложил свое мнение в письменной форме и отправил членам Совета. Он также представил его трём пасторам Женевской церкви, добавляя некоторые отрывки из трудов древних авторов в поддержку своих аргументов.

На следующий же день Кальвин отвечает на это также в письменной форме, безапелляционно доказывая, что Жентиль совершенно бессовестно искажил изречения древних. Наконец, опасаясь судьбы Сервета, Валентин Жентиль сдается и притворяется, будто признает свои ошибки и принимает истину. Он пишет длинное свидетельство своего раскаяния.

Хотя некоторые и видели в нем лицемера, он был осужден только к публичному покаянию. Его водили под звуки трубы по перекресткам города, где он просил прощения с открытой головой, в одной рубашке с факелом в руке. Он должен был публично сжечь свои труды, что сделал без колебаний.

Ему также запретили покидать город без разрешения. Он должен был оставаться в тюрьме, пока не соберет определенной суммы для залога. Эти меры были направлены на то, чтобы помешать ему сеять ересь в других местах, а также проверить истинность его покаяния.

Но 5 сентября того же года он подал прошение властям - первым лицам города, чтобы освободиться от этого залога. Он утверждал, что у него не было возможности собрать нужную для залога сумму из-за его статуса иностранца. Поэтому власти удовлетворились его обещанием, которое тот сразу же нарушил, тайно сбежав к «просвещенному» Маттьё Грибальде, о котором мы уже говорили.

Что касается Жоржа Бландрата, он часто заходил к Кальвину поговорить о своих сомнениях, которые испытывал по вопросу о Троице. Кальвин отвечал и разъяснял ему каждый раз с большим терпением, к удовлетворению Бландраты. Тем не менее, спустя некоторое время, Жорж Бландрата начал выражать сомнения, как это свойственно тем, кто, увлекаясь своими фантазиями и одержимые гордостью и упрямством, не могут принять Слово Божье.

Осознавая это, Кальвин во время их последней встречи сказал ему в присутствии свидетелей, что лучше записать резюме их разговора по тем пунктам, где они пришли к согласию, чтобы не возвращаться без конца к той же теме. Это было сделано, и Бландрата подписался под теми статьями вероучения.

Однако вскоре после этого на лекции Кальвина Бландрата увидел судебного пристава (называемого здесь стражем порядка). Тот ожидал одного из попечителей города, также посещавшего лекцию. Поэтому (как нечистая совесть дрожит от любого шороха) Бландрата предположил, что пришли именно за ним. Он немедленно убежал из города, тогда как никто его не преследовал.

Наконец, эти три сообщника (Грибальд, Жентиль и Бландрата) оказываются в Польше, где они еще и сегодня продолжают творить беспорядки. Работы Кальвина, как мы увидим позже, значительно укрепили церкви Польши и усилили верующих, ослабив врагов истины. Поэтому можно надеяться, что эти нарушители спокойствия вскоре заметят и ощутят на себе силу слуги Божьего, и что с Божьей помощью настанет их конец.

Ссылки

¹ Четвертная лихорадка – острая лихорадка, приступ которой схватывает больного каждые четыре дня.

² В то время, когда Теодор де Без писал эти строки, Себастьян Шастильон, спасаясь от чумы, приехал в Базель.

Глава 10

В глиняных сосудах

Во время сбора урожая винограда 1558 года Мельхиор Вольмар, замечательный немец, с которым Кальвин был знаком еще в юности, когда учился в г. Бурж, приехал в Женеву специально, чтобы увидеться с ним. Будучи старым другом Кальвина, он давно мечтал приехать и увидеть тот грандиозный расцвет церкви в Женеве, которым Бог благословил усилия Кальвина.

Где-то в сентябре того года слуга Божий был поражен длительной и болезненной лихорадкой, во время которой ему пришлось воздержаться от проповедей и лекций. Тем не менее он продолжал работать дома, не принимая во внимание упреки и просьбы позаботиться о себе.

Хотя ему приходилось писать огромное количество писем разным людям и принимать множество людей, приходивших к нему за советом, все же он смог завершить свою последнюю версию «Наставления в Христианской Вере» на латыни и на французском языке, которую мы обсудим в конце книги.

В то время, когда печаталось предисловие к этой книге, до Кальвина дошли новости из Аугсбурга, где проходил Имперский Сейм (великой Римской империи), что бывшее там недовольство получило большой отклик и вылилось в протест против папства. Князья и их придворные также с радостью это приветствовали.

Это придавало сил Кальвину совершать свое призвание с еще большим упорством. Действительно, в тот самый момент он приступил к полному пересмотру своего комментария к Исаии, напечатанного впервые в 1551¹ году.

Он также отдал в печать свои лекции, касающиеся книг всех малых пророков. Ранее он опубликовал только по пророку Осии. Лихорадка настигла его в тот момент, когда он собирался завершить курс этих лекций. Ему оставалось только две-три лекции по пророку Малахии. Чтобы не откладывать их публикацию, Кальвин дает чтения небольшому числу слушателей в своей комнате (лихорадка и зимний холод не позволяли ему выходить из дома).

Его болезнь длилась около восьми месяцев, изрядно его измучив. Даже когда лихорадка по вечерам оставляла его, он не мог ничего есть до наступления следующего вечера и часто оставался по двое суток без еды и питья, испытывая всю ночь большую сухость в горле. Его старая привычка к таким ограничениям и воздержанию помогла ему выдержать это невероятно болезненное испытание.

Врачи неоднократно пытались убедить его в том, что его организм чересчур обезвожен. Он заставлял себя по вечерам есть суп, когда приступы лихорадки оставляли его. Но через несколько часов его схватывала головная боль, причиняя столько же страданий, что и лихорадка. Пришлось вернуться к длительному воздержанию.

В то время, а именно, в марте 1559 года Пьер Вирет и некоторые другие, оставив свои дела, едут в Женеву. Магистраты, а также Кальвин вместе с другими пасторами, попросили Вирета взять на себя обязанности пастора церкви этого города, чтобы восполнить длительное отсутствие Кальвина ввиду его болезни.

Наконец, в марте 1559 года, по воле Божией, лихорадка оставляет больного. Кальвин настолько ослаб, что так и не смог восстановить свое здоровье. В то же время из-за растяжения в правой ноге он периодически хромал. Однако, это не смогло заставить Кальвина оставаться дома, за исключением нескольких случаев, когда боли были совсем нестерпимы.

Он продолжал приходить в церковь, чтобы проповедовать и давать лекции. Иногда он приходил сам, а иногда опираясь на кого-то. Когда он совсем не мог передвигаться, его относили в кресле или отвозили верхом на лошади.

Когда он после болезни вновь появился на кафедре вся церковь ощутила неописуемую радость. Это было в воскресенье. Мы спели Псалом 30 и воздали благодарение Господу за выздоровление Его слуги. На лице Кальвина можно было прочесть, с каким чувством благочестия и смирения (а это всегда ему было присуще), лишенных всякого притворства, был благодарен Кальвин Господу за это благословение.

Таким образом, восстановив исполнение своих обязанностей, он завершил тему книги пророка Исаии в еженедельных проповедях. Затем, 4 сентября, он снова начал проповедовать по книге Бытие. Что касается лекций, 12 июня он берется за пророка Даниила. Начиная с июля, по воскресеньям были проповеди о гармонии трех синоптических Евангелий. Шестьдесят пять из них были изданы.

В конце декабря у Кальвина началось откашливание кровью из-за болезни, которая коснулась его легких. Но он не позволяет себе ни малейшего отдыха, продолжая выполнять свои многочисленные обязанности.

Этот недуг мог вызвать у него серьезные нарушения. По совету своих врачей он позволяет себе отдохнуть несколько дней и, как только дело пошло на поправку, снова начинает проповедовать. Однако врачи и близкие друзья советуют ему отдохнуть, по крайней мере месяц, чтобы окончательно выздороветь.

В самом деле, отсутствие должного отдыха при его хрупком телосложении вызвало у него позже два или три рецидива в течение нескольких лет. Находясь в таком изможденном теле, Кальвину ничего не оставалось другого, как полностью отдалиться во власть врачей, которым каждый раз удавалось его спасти.

Я хочу здесь упомянуть о той неопишуемой радости, дарованной от Бога, когда по его совету магистраты и правители города взялись заложить фундамент школы для преподавания основных языков. Преподавателями наняли некоторых замечательных мужей, приехавших с Пьером Виретом в Женеву.

Эта школа родилась в то время, когда в городе оказалась под угрозой проповедь Евангелия, и казалось, что мы больше не сможем продолжать дело Реформации. Зная не понаслышке, что означает зависеть от Бога во всех отношениях, Кальвин преподавал этот урок всем остальным.²

В конце 1559 года на Собраниях по пятницам рассматривались последние четыре книги Моисея в соответствии с напечатанными комментариями Кальвина. В апреле 1560 года он закончил чтения по пророку Даниилу, а приблизительно в середине того же месяца он берется за пророка Иеремию.

В июне месяце польские братья оповещают его о том, что некий Станкарус сеет в их церквах ересь. Этот человек утверждал, что Иисус Христос был нашим посредником только в своей человеческой природе, и что в Нем не было божественности.³ Братья послали Кальвину резюме аргументов Станкаруса и попросили его ответить на них. Он написал им кратко, но очень убедительно.

В конце концов, после того, как Кальвин по просьбе поляков пишет на эту тему второе письмо, Станкарус перестает публиковать свои фантазии и пагубные выдумки.

В 1560 году Кальвин пересматривает свои комментарии к Деяниям Апостолов, сделав в нескольких местах дополнения. В том же году его настигает известие о смерти Филиппа Меланхтона, который некоторое время назад написал Кальвину о своем желании увидеться с ним в Женеве, дабы утешиться общей с ним верой.

В 1561 году посланник привез несколько писем от короля Франции к попечителям и городскому Совету Женевы. В письмах король упомянул, что убежден в том, что беспорядки в его королевстве исходят от жителей и пасторов Женевы. Кальвину и его товарищам было предложено выступить в Совете, чтобы ответить на это обвинение.

Он ответил, что не имел ничего общего с той смутой, царившей тогда в королевстве Франции, и что, служа Господу, он не жалея сил, сделал все возможное, чтобы её предотвратить. И если угодно королю, то он готов оправдаться в его присутствии по этому делу, а также ответить на все обвинения, так как знал, что совесть его чиста.

Члены городского Совета Женевы ответили королю в том же духе. Это не могло не подвергнуть опасности жизнь Кальвина, поскольку мы знаем, что от малого до великого его ненавидели все паписты французского королевства. Что же касается самого Кальвина, то его не столько заботила его собственная жизнь, сколько распространение Царствия Иисуса Христа.

3 февраля того же года он начал проповеди по книге Судей по пятницам, а с 8 августа - по книгам Самуила (1-2 кн. Царствия). В это время Кальвин отвечает письменно на клевету некоего Тилемана Хесхуса, который только испачкал бумагу, обвиняя Кальвина и извращая истинное учение о Причастии.

Тилеман зашел так далеко в своих измышлениях, что Филип Меланхтон вынужден был обозвать его упрямым, отвечая графу Фредериху Палатину, пожелавшему узнать об учении этого человека о Причастии. Позднее это письмо было напечатано в Гейдельберге.

В конце 1561 Валентин Жентиль, о котором мы уже говорили выше, (или кто-то другой под его именем) напечатал в Лионе небольшую брошюру на латыни, содержащую еретические высказывания и богохульства против Святой Троицы.

Кальвин опубликовал ответ на эту брошюру, напомнив о судебной процедуре против Валентина Жентилья в Женеве, о нареканиях на него в итальянской церкви, а также о его заключении в тюрьму. Он расписал, как Жентиль сначала публично отказался от своих заблуждений, а после, тем не менее, опять к ним вернулся, оставаясь жалким богохульником и лжецом, каким и был прежде.

В то время были также опубликованы лекции по пророку Даниилу. Кальвин посвятил их всем верующим Франции, которые желали видеть распространение Царствия Иисуса Христа в своей стране. Можно сказать, что он проявил себя пророком в этом посвящении.

Действительно, тогда казалось, что истинная Церковь во Франции испытывала определенное спокойствие и, что чистое учение Евангелия свободно проповедовалось (примерно в августе, мы были тогда в Синоде в Пуасси).

Однако, изложив в своём письме различные наставления к этой церкви, Кальвин заканчивает его следующими словами: «Я предупреждаю и увещаю вас, что у вас будут еще более тяжелые испытания, чем вы догадываетесь, поскольку ярость всё больше переполняет злодеев и т. д.»

В то время он также печатает книгу на латыни, озаглавленную «Ответ одному обманщику»⁴. Эта брошюра была написана некоему Франсуа Балдуину, который пытался продвинуть свои идеи.

Этот человек не мог удержаться как ни на одном месте, так и ни в одной религии. Он чуть ли не каждый день менял место жительства, а религию сменил, по крайней мере, трижды.

В конце концов, потеряв всякую совесть, он стал вести себя как и все монашествующие католики - каноны. Все они, как правило, похожи друг на друга: выдают себя за монахов, когда это служит их прибыли, а когда нет - то ведут себя по-светски.

Итак, этот Франсуа Балдуин стал целовать туфлю (папе римскому), как и все остальные⁵ (еретики-отступники). А чтобы развеять сомнения в своей искренности, он получил письменное уведомление от короля, чтобы обрести помилование у Его Святейшества и кардиналов, быть рабом которых было для него последним несчастьем. Теперь он лучший католик в мире, скажут наши противники. Но как тогда быть с теми, кто якобы держится середины (между католицизмом и реформацией), как этот Балдуин и открыто плюёт на необходимость реформации римско-католической церкви, и, одновременно, галантно упоминая о злоупотреблениях в ней?

Но на самом деле Балдуин не касается самой сути проблемы. Он заботится только о том, чтобы произвести впечатление на тех, кто еще не слышал о его умствованиях, не стоящих и ломаного гроша. Начнем с того, что этот человек не преминул анонимно опубликовать свои тезисы по теме в 1561 году, в тот самый момент, когда проходил симпозиум церковей в Пуасси. Кальвин раскрыл намерения этого коварного обманщика, ответив, как обычно, кратко, но с большой убедительной силой, раскрывая характер и намерения виновника смуты.

Балдуин с гневом воспринял это опровержение и с той поры не переставал выплескивать его на того, кого он не так давно называл своим отцом и учителем, явно проявляя свое бунтарство. Но Кальвин, однажды ответив ему, довольствовался победным молчанием, ибо всегда принимал за честь оскорбления на свой счет (тем более от злодея) во имя Господа, Которому служил.

Что касается упреков по отношению к учению, то Кальвин считал их такими легковесными и дерзкими, что они не заслуживали ответа. В остальном Балдуин только переделывал фразы, заимствованные в других местах, которые уже тысячи и тысячи раз подвергались опровержению.

Однако, поскольку этот отступник, желая отблагодарить своих хозяев, привязался к нашим братьям-баскам, я почел за необходимость, по милости Господа нашего, ответить ему во второй раз.

В том же году, в часы отдыха, Кальвин пишет небольшую книгу под названием «Поздравление почтенному священнику»⁶. Этот безрассудный священник заново напечатал книгу против Лютера, опубликованную около тридцати лет назад за авторством Генриха VIII (короля) Англии. Он сопроводил второе издание предисловием своего собственного пера. Я думаю, что он хорошо себе прикусил язык после того, как это «Поздравление» Кальвина заткнуло его кудахтанье.

Ссылки

¹ До 1549 года Николас де Галларс переписывал тексты лекций Кальвина, давал перечитывать все реформатору, чтобы затем доработать с его исправлениями.

² Король Генрих III хотел восстановить власть герцога Савойского и полностью уничтожить Женеву.

³ Франсуа Станкари, из Мантуи, был учителем иврита, сначала в Кракове, а после в Кёнигсберге, умер в г. Штобниц в 1574. Он утверждал, что Иисус Христос искупил нас только как человек. «Ибо, - сказал он, - если бы Он был посредником как Бог, то будучи далек от равноценности Богу, Он имел бы только вторичную божественную природу.»

⁴ Ответ одному лукавому обманщику, который под предлогом предоставления средств для умиротворения пытается предотвратить и нарушить правильный курс Евангелия в королевстве Франции. Балдуин получил прозвище Eсеbodius (переменчивый), потому что он колебался между религиями как нерешительный человек.

⁵ «Поцеловать туфлю» ... Папы, когда отступник-еретик возвращается к его милости.

⁶ «Поздравление почтенному священнику», мессире Габриэлю де Саконэй, главному певцу из Лионской церкви, касательно изящного предисловия, которым тот украсил книгу короля Англии. Габриэль де Саконэй умер в 1580 году и едва ли был известен чем-то иным, кроме сияния его писаний против Реформации.

Глава 11

Приближение конца

В 1562 году Кальвин узнает о репрессиях, которые прокатились по всей Франции. Им овладело сильное чувство сострадания, словно он своими глазами увидел опустошение церквей и ужасные расправы, совершаемые над бедными верующими.¹

В связи с этим он испытывает большую озабоченность и использует все законные средства, чтобы защитить братьев от неслыханного насилия со стороны врагов Божьих, а также восстановить спокойствие ради славы Божией и мира во всем королевстве.

Он постоянно обращается к верующим Женевы, чтобы те молились Богу о многочисленных нуждах церквей во Франции. По его совету магистраты разослали глашатаев по городу, которые при звуке трубы призывали каждого смириться перед Господом и проявлять больше усердия в посещении церкви.

Христиан также призывали собираться вместе по воскресениям и средам, пребывать в усиленной молитве за всех верующих братьев, разбросанных по всему королевству Франции, а также молиться о благополучии в этой стране.

Примерно в это же время некий знатный человек, пользующийся уважением во Франции, отправился вместе со своей женой через Германию в Лион, а затем в Лангедок. Ввиду царивших повсюду волнений им пришлось проехать через Женеву. Там они повстречались и подружились с Кальвином, получив от этой встречи огромную пользу и наставление.

9 сентября того же года Кальвин закончил свои лекции по пророку Иеремии, и с 20-го продолжил по книге Плач Иеремии. Как-то в беседе с другими пасторами он сказал: «Может показаться, что рассуждать именно теперь о Плаче Иеремии было бы плохим предзнаменованием для судеб церквей, но всё в руках Божиих.» В ноябре он берется за послание к Галатам на собраниях по пятницам.

В следующем месяце подагра сваливает Кальвина с ног на нескольких дней так, что 18-го, в день, когда пасторы собрались в его комнате для самоисследования перед Рождественским Причастием, он вынужден был оставаться в постели. Всю ночь ревел порывистый ветер, который еще более усилился к утру и не утихал два последующих дня, пока, наконец, не перестал в воскресенье.

Рассуждая об этом ветре, Кальвин в присутствии нескольких пасторов произнес слова, которые спустя некоторое время оказались пророческими: «Я не знаю, что это было, - сказал он, - слушая всю ночь этот ветер, мне казалось, словно в небесах Бог ударял в барабан. Меня не оставляла мысль о том, что в этот момент происходило что-то очень важное».

И действительно, дней через десять или двенадцать, пришло известие о битве при Дрё¹ в ту самую субботу 19-го декабря, когда Бог, чтобы не говорили, воистину заступился за Свою Церковь.

В том же году Кальвин пишет небольшую книгу под названием «Ответ одному голландцу²», адресую её верующим в Голландии. Он также написал «Исповедание веры от имени реформатских церквей Королевства Франции»³. Однако это Исповедание не смогло достичь своего адресата, потому что война заблокировала все пути. Его напечатали только в 1564 году.

В 1563 году Кальвин очень часто болел. Не стоило этому удивляться, поскольку уже два или три года тому назад было заметно, как к нему возвращаются старые болезни: мигрень и несварение желудка, что вызывало у него постоянную диарею. Геморрой также не оставлял его в покое, особенно после случая, произошедшего семнадцать лет назад, как мы уже упоминали.

Эти болезненные недомогания происходили из-за отсутствия достаточного отдыха, который Кальвин себе не позволял, что вызывало у него постоянные нарушения пищеварения. Но это его совсем не заботило до тех пор, пока болезнь не вынуждала останавливать работу. Сначала его хватали острые боли в животе, а затем у него начался тяжелый ревматизм.

Было удивительно видеть, что, несмотря на все болезни, живость его духа не угасла, и что его остроумие осталось неизменным, хотя его организм уже не поспевал за его духом. Это мы увидим еще в следующей части нашего повествования, перед днем его смерти.

Таким образом, 19 января этого же года он закончил свои лекции по теме Плач Иеремии и на следующий день взялся за изучение книги пророка Иезекииля. Во время еженедельных проповедей он заканчивает рассматривать первую книгу Самуила (Первая кн. Царствия) и с 3 февраля начинает вторую книгу.

Вскоре Кальвин получает известие из Польши. Заблуждения Станкари были обнародованы и отвергнуты. Однако с тех пор некоторые «просвещенные», среди них Жорж Бландрата, всё еще не оставляли в покое верующих. Эти люди извратили наше понятие веры о Трех Лицах в Одной Божественной сущности. Они сотворили себе три сущности и набрались наглости заявить о том, что Сын и Дух Святой не являются Богом в той же мере, что и Бог Отец.

Это побудило Кальвина опубликовать «Краткое увещание братьям в Польше». Он предупредил их, чтобы они не сотворяли себе трех богов, изобретая три сущности вместо Трех Лиц в одной Божественности. Кальвин противостоял в этом письме Матьё Грибальду и Валентину Жентилю. Услышав, что его письмо помогло многим верующим раскрыть их козни, в последний день апреля он пишет второе письмо братьям в Польше, чтобы утвердить их в этой важной истине нашего вероисповедания.

Кальвин также опубликовал свой комментарий к последним книгам Моисея, который написал в форме гармонии (т.е. один обобщенный комментарий к четырем последним книгам Моисея, прим. перевод.). Он напечатал также Комментарий к книге пророка Иеремии, который он преподавал на лекциях, как мы уже упоминали.

В июне, на собраниях по пятницам, рассматривалась книга Иисуса Навина. Но к концу августа подагра заставила страдать Кальвина долго и жестоко. Приступы болезни сменялись периодами, когда боль утихала, но не исчезала совсем. Однако он продолжал работать дома, сожалея, что болезнь не давала ему исполнять свои обязанности на рабочем месте.

Он продолжал изнашивать себя, не считаясь со своей болезнью, даже в те дни, когда мы думали, что он отдыхает. Это хорошо осознавали некоторые братья, пасторы церквей Франции, приехавшие обсудить с ним некоторые вопросы, а также поделиться своими сомнениями, с которыми они сталкивались при исполнении своих обязанностей.

Кальвин любезно принимает их и в то время, как подагрический ревматизм сделал его менее подвижным, приглашает пообедать у себя дома вместе с другими пасторами города Женевы и окрестностей.

В то время он перевел свой комментарий на последние четыре книги Моисея, пересмотрел перевод своего труда по книге Бытие, а также работал над комментарием к книге Иисуса Навина. Он не мог участвовать в сентябрьском Причастии из-за болезни, заставившей его оставаться дома почти два месяца.

Наконец, подагрический ревматизм дает ему некоторую передышку. Кальвин заставляет себя выходить из дома, чтобы провести время со своими друзьями, но особенно, чтобы учить и

проповедовать. В то время его носили в церковь в кресле. Он исполнил также просьбу верующих покрестить их детей.

В середине января другие пасторы попросили его изъяснить начало книги пророка Исаяи на собраниях по пятницам. По его совету они выбрали эту книгу для изучения сразу же за книгой Иисуса Навина.

Таким образом, изможденный, едва передвигаясь, он продолжал, насколько было возможно, исполнять свои обязанности до начала февраля. В среду 2 февраля он проповедует в последний раз по книге Царств, а в два часа дня дает свой последний курс в школе по книге Иезекииля. 6 февраля в воскресенье Кальвин проповедует в последний раз о гармонии трех Евангелий.

С тех пор Кальвин больше не поднимался на кафедру и, по большей части, был вынужден оставаться дома, будучи уже не в состоянии давать лекции или проповедовать. Иногда, однако, он все же приходил в церковь на собрания по пятницам.

Он позволял себе это, поскольку ему не требовалось там долго говорить, как это было во время его занятий или проповедей. В конце собрания он обычно добавлял к посланию автора то, что Бог вкладывал ему в сердце об изучаемом тексте из Писаний. Он также произносил молитву, которой заканчивалось собрание.

Слушатели радовались его присутствию. Многие думали, что с Кальвиным будет также как и прежде: он выздоравливал, когда уже не было никакой надежды. Пасторы и друзья умоляли его не утомлять себя приходом на работу. Он извинялся и говорил, что ему лучше прийти, чем оставаться дома, где время тянется для него слишком долго.

Однако болезнь продолжала брать верх и так ослабила его, что он едва мог передвигать ноги. Тем не менее он испытал несколько периодов облегчения. Хотя врачи сделали все возможное и, он скрупулезно следил за их советами, его многочисленные недомогания и болезни давали понять, что все это напрасно.

Глядя на небо, он часто говорил: «Господи, как долго еще?» Он повторял эту фразу много раз, как девиз. Он был прикован к кровати, но сохранял способность разговаривать, хотя астма этому серьезно препятствовала. Тем не менее, Кальвин не переставал работать, стараясь завершить начатые труды, о которых мы уже писали.

Кроме того, он продолжал участвовать в делах церкви, отвечая, то письменно, то в личной беседе, давая советы всем, кто к нему обращался. Мы упрекали его за то, что он перестал заботиться о своем здоровье. На это Кальвин отвечал, что желает продолжать трудиться на ниве Божьей столько, сколько сможет, до последнего вздоха.

В пятницу, 1 марта, некоторые из братьев-служителей женевской церкви, а также церковью из округа посетили Кальвина после обеда. Войдя к нему в дом они нашли его одетым, сидящим за столом. Увидев его, они испугались, так как из-за одышки он с трудом мог говорить. Ему потребовалось несколько минут, прежде чем он заговорил, опираясь головой на руку, как он это часто делал.

Наконец, оправившись и с подобранным лицом, он кратко поблагодарил их за посещение и проявленную о нем заботу. Он сказал им, что в ближайшие две недели надеется в последний раз увидеться со всеми пасторами в день, предназначенный для самоисследования перед Пасхой. «Ибо, - сказал он, - я надеюсь, что Бог объявит то, что хочет со мной сделать. Я верю, что грядет конец мой, и Он призовет меня».

В пятницу 24-го числа того же месяца Кальвину стало намного лучше. Все пасторы собрались у него в комнате для самоисследования, которое началось с него самого перед коллегией пасторов. Затем и

все остальные пасторы поочерёдно поделились своим самоисследованием. Это закончилось примерно через два с половиной часа. После этого Кальвин объявил братьям, что почувствовал, что получил от Бога небольшую отсрочку.

Он также поведал им о своих сомнениях относительно примечаний, размещенных на полях Нового Завета и сказал, что он их пересмотрит. Попросив свои рукописи, он зачитал длинные выписки в собрании пасторов. По просьбе Кальвина пасторы высказали на этот счёт свое мнение. Было видно, как из-за чтения ухудшалось его состояние. Но поскольку Кальвин делал это с удовольствием, то ни один из братьев не осмелился попросить его перестать читать, опасаясь удрочить его.

Однако на следующий день ему сделалось плохо и его здоровье резко ухудшилось. В понедельник 27-го Кальвина доставляют в городской совет. Оттуда, опираясь на тех, кто был рядом с ним, он подошел к палате Совета, чтобы представить первым людям города новоизбранного ректора школы. Затем новый ректор дал присягу в присутствии Совета, согласно регламенту школы.

После этого Кальвин поднялся со своего места и, со шляпой в руках, поблагодарил этих господ за то, что помнят его, а также за заботу, которые они к нему проявили во время его последних болезней. Далее он поделился, что несколько дней назад ощутил как-будто некоторое облегчение, но последние два дня ему вновь стало плохо.

Кальвин сказал это, тяжело дыша, но с такой удивительной мягкостью, что почти у всех присутствующих выступили на глазах слезы. Это был его последний визит в Совет.

В воскресенье 2 апреля, в день Причастия на Пасху, несмотря на большую слабость, его отнесли в церковь на стуле. Он прослушал всю проповедь и, приняв Причастие, спел со всеми вместе Псалом. Все му собранию было видно его лицо, озаренное радостью в Господе.

Ссылки

¹ Битва при Дрё (Франция) произошла 19 декабря 1562г. между протестантами и католиками. Отправной точкой, спровоцировавшей это событие, считается резня в Васси (Франция), устроенная католиками 1 марта 1562, когда убили около пятидесяти и ранили до 150 протестантов. (прим. Переводчика)

² Ответ одному голландцу, который, прикрываясь желанием сделать христиан совершенно духовными, позволяет осквернять им свои тела всяческим идолопоклонством.

³ «Исповедание веры от имени реформатских церквей Королевства Франции» было посвящено принцу де Конде и всем верующим Франции и представлено императору и князьям Германии на день Франкфурта в 1564.

ГЛАВА 12

Завещание Жана Кальвина

Во вторник 25 апреля Кальвин составил очень краткое завещание в свойственной ему форме, избегая ненужного многословия. Это завещание содержит незаурядное свидетельство о верности своему вероисповеданию. По этой причине, с согласия его брата и единственного наследника Антуана Кальвина, я цитирую его слово в слово.

Богу было угодно, чтобы завещания его самых замечательных служителей остались вечным свидетельством того, как Дух Божий оживил их в жизни и смерти. Я также хочу сказать о крайней наглости тех, кто охотно поверил, что его смерть стала опровержением всей его жизни. Если кто-нибудь обвинит меня в подлоге, я не стану тешиться, противореча ему. Я посоветую ему, кем бы он ни был, лишь поразмышлять над тем, что если мы поставим под сомнение все то, что было явно увидено и услышано, то не останется больше ничего, о чем можно будет с уверенностью помнить.

Завещание и последняя воля Жана Кальвина

Во имя Божие, Да будет известно всем, что в тысяча пятьсот шестьдесят четвертом году, в двадцать пятый день апреля, я, Пьер Шенелат, присяжный нотариус и гражданин Женевы, был вызван господином Жаном Кальвином, пастором Слова Божьего в Женевской церкви и жителем этого города, будучи телесно больным.

Вышеупомянутый изъявил мне своё желание составить завещание и объявить о своей последней воле, попросив меня записать всё с его слов под диктовку. То, что я и сделал по указанной просьбе и написал завещание слово в слово, ничего не опуская или добавляя, как следует далее.

«Во имя Божие, я, Жан Кальвин, пастор Слова Божьего в Женевской церкви, будучи отягощен различными болезнями и, осознавая, что Бог желает вскоре забрать меня из этого мира, решил написать своё завещание в письменной форме и объявить о своей последней воле, как следует далее.

«Во-первых, я благодарю Бога за то, что Он помиловал меня - нищее создание, вызволив меня из бездны идолопоклонства, куда я был погружен, чтобы привлечь меня к свету Его Евангелия и сделать меня причастным к делу учения о спасении, которого я был совершенно недостоин. Не отнимая своей милости, Он поддерживал меня там, где я был слаб и немощен и заслуживал сто тысяч раз быть отвергнутым от Него.

«Более того, Он оказал мне Свою милость в том, что использовал меня и мой труд, чтобы донести и объявить правду о Своем Евангелии. Я заявляю, что хочу жить и умереть в этой вере, которую Он мне дал. У меня нет другой надежды или убежища, кроме Его безвозмездного принятия, на котором основано все мое спасение.

«Я бросаюсь в объятия благодати, которую Он дал мне в Господе нашем Иисусе Христе и принимаю, что благодаря Его смерти и страданиям все грехи мои погребены. Я прошу Его умыть и очистить меня кровью этого Великого Искупителя, пролитой за нас, бедных грешников, чтобы я мог предстать перед лицом Его, неся образ Его.

«Я также заявляю, что по мере благодати, которую Он даровал мне, я попытался в чистоте учить Его Слову, как в проповедях, так и в своих рукописях, чтобы верно раскрыть Священное Писание. Я не использовал хитрость и был добросовестным во всех спорах, где мне противостояли враги истины. Напротив, я продолжал полностью придерживаться Слова Его.

«Но, увы! мое желание и мое рвение, если это так можно назвать, было таким холодным и ленивым, что я чувствую себя несовершенным везде и во всем. Если бы не Его бесконечная доброта, вся моя любовь была бы всего лишь дымом. Благодать, которую Он мне даровал, делает меня еще более виновным. Так что мое утешение основано на том, что Он, будучи Отцом милости, проявляет Себя ещё и Отцом такого жалкого грешника.

«В остальном, я желаю, чтобы тело мое было похоронено после моей смерти обычным образом, в ожидании дня благословенного воскресения. Что касается небольшого имущества, которым Бог дал мне воспользоваться, то я назначаю моего возлюбленного брата Антуана Кальвина своим единственным наследником. Однако, в виде гонорара я оставляю ему лишь чашу, подаренную мне господином де Варанном. Я прошу его удовлетвориться этим, будучи уверен, что он согласен отдать оставшееся его детям.

«Я завещаю десять экю колледжу и столько же в фонд для нуждающихся иностранцев (беженцев из других стран, прим. переводчика). А также Жанне, дочери Шарля Костана и моей сводной сестре¹ по

отцовской линии я завещаю сумму в десять экю. Далее я оставляю Самуилу и Жану, сыну моего брата и моим племянникам по сорока экю каждому. Моим племянницам, Анне, Сюзанне и Доротее, каждой по тридцать экю. Что касается моего племянника Давида, их брата, то чтобы наказать его за небрежность и ветренность я даю ему только двадцать пять экю.

«Вот сумма всего моего имущества, которое дал мне Бог, насколько я смог рассчитать и оценить его в стоимости книг, мебели, посуде и прочего. Однако, если сумма выйдет больше, то я бы хотел, чтобы это раздали моим племянникам и племянницам, упомянутым выше, не исключая Давида, если Бог даст ему милость себя умерить и обуздать.

«Но я думаю, что с этим не будет никаких затруднений, особенно когда будут уплачены мои долги, так как я отдал все в руки своему брату, на которого полностью полагаюсь. Я назначаю его исполнителем настоящего завещания вместе с господином Лораном де Норманди, и оставляю им все полномочия составить инвентарь, без каких либо особых формальностей, и продать мою мебель для получения средств, необходимых для исполнения моей последней воли, выраженной выше.

«Двадцать пятый день апреля, истинно так»

Жан Кальвин

После написания вышеуказанного в тот же час Жан Кальвин подписал эту копию своего завещания своей обыкновенной подписью.

На следующий день, двадцать шестого апреля, тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года, Жан Кальвин вызвал меня, а также господ Теодора де Беза, Раймонда Шове, Мишеля Копа, Луи Эноха, Николаса Колладона, Жака де Бордеса, служителей Слова Божьего в этой церкви, и господина Анри Скрингера, профессора искусств - все жители города Женевы.

В их присутствии он объявил, что попросил меня написать данное завещание под его диктовку в той форме и в тех словах, как представлено выше. Он попросил меня зачитать его в присутствии указанных свидетелей, востребованных для этой цели. Что я и сделал ясно, слово в слово.

После зачитания завещания он объявил, что такова есть его воля и последнее желание, которые должны быть исполнены.

Далее он попросил вышеупомянутых свидетелей подписаться вместе со мной под документом. Это было сделано в указанный день и год, в г. Женева на улице Канонов

в его доме.

В удостоверение и доказательство я составил настоящее завещание, чтобы направить его для предъявления по месту востребования с общей печатью к нашим почтенным лордам и вышестоящим лицам, за моей собственноручной подписью.

подписано Пьер Шенелат

Заметив, что ему все труднее дышать, Кальвин послал гонца к четырем попечителям города и так называемому малому Совету Женевы, чтобы известить их о его желании поговорить с ними еще раз в ратуше. Для этой цели его должны были туда отвезти в следующий четверг 27 числа, чтобы увидеться со всеми вместе.

Те люди из правительства города ответили Кальвину, что умоляют его не утруждать себя, так как они

сами все придут к нему. Таким образом, в четверг утром они покинули палату Совета, и пришли к нему домой.

Зайдя в его комнату, они поприветствовали друг друга. Он поблагодарил их за то, что они любезно нашли время прийти к нему, тогда как он сам собирался было отправиться в ратушу.

Он сказал, что хотел обязательно увидеться с ними в последний раз. Но из-за слабого здоровья не решался пойти, пока, наконец, Бог не дал ему знать о скором приближении его кончины. После этих слов Кальвин поблагодарил их за то, что они оказали ему большую честь, которой он не заслуживал, и за то, что они не раз выручали его, «поскольку я знаю,- говорил он, - как сильно я в этом нуждался». Он был им очень признателен за то, что они всегда как могли оказывали ему поддержку.

За время пребывания в этом городе Кальвину пришлось пережить достаточно баталий и споров, как это часто выпадает на долю всех добрых людей, однако, ни одно из тех затруднений не происходило по их вине, признался он.

К тому же, если он не сделал того, что должен был, он просил их смотреть не столько на его достижения, сколько на его побуждения. Он по-настоящему желал блага этому городу и привнес свой вклад в его развитие. Однако при этом, он был весьма далек от того, чтобы удовлетвориться плодами своих трудов.

Он не отрицал, что даже то небольшое, что он совершил было использовано Богом. Он был бы лицемерен, если бы сказал иначе. Он попросил своих слушателей простить его за то, что он так мало сделал в сравнении с тем, что должен был, как для общества, так и в частном порядке. Он чувствовал, что попечителям города часто приходилось терпеть порывы его тегерамента, о чем он весьма сожалел. Он был уверен, что Бог ему это тоже простил.

Затем Кальвин признал перед Богом и этим собранием, что нес в чистоте Слово, которое Бог доверил ему. Он был уверен в том, что действовал осмотрительно, избегая ошибок. В противном случае, он ожидал бы нависшего над его головой наказания. Но он был уверен, что Бог одобрял и поддерживал усилия, которые он приложил для обучения церкви.

Он заявил, что уверен в истинности учения, которое им возвещал. Он не сомневался в том, что дьявол, стремясь извратить или исказить Евангелие, породит в этом мире злодеев в духе непокорства и горячности, чтобы последовать его приказам.

Затем Кальвин также напомнил им об особой благодати, которую они получили от Бога, и о тех серьезных и неминуемых опасностях, от которых Господь их избавил. Он мог бы привести их в деталях, поскольку был лучше осведомлен. Он показал им также несколько библейских принципов, которые необходимо соблюдать правительству женевской республики.

Короче говоря, он действовал как истинный пророк и слуга Божий, заверяя их в том, что они будут сохранены в грядущих бурях, при условии, что останутся верны заданному курсу.

«Помыслите о том состоянии, в котором вы сейчас, - говорит он. Мысля себя вне опасности, либо под её угрозой, всегда помните, что Господь желает, чтобы вы Его прославили. Он оставляет эту славу только Себе. Это в Его руках все государства и их правители. Он желает, чтобы мы воздали Ему хвалу, признавая нашу полную от Него зависимость.»

В этой связи он привел в пример Давида, который признал, что забыл об этой истине, когда его царство было в безопасности, и что он смертельно споткнулся бы, если бы Бог его не помиловал. «Если упал человек такого превосходства, богатства и власти, - добавил Кальвин, - что же станет с нами, которые суть ничто?»

«Поэтому у нас есть все основания смириться и ходить в страхе и попечении, держась в тени крыльев Всемогущего, на Котором должна основываться наша вера. И хотя нам часто кажется, что безопасность наша висит на волоске, будем уверены в том, что Бог будет хранить нас, как Он и прежде избавлял нас от различных бед.

«Когда Господь Наш дает нам процветание, потщимся отнестись к нему без легкомыслия и непотребства, как это делают неверующие. Возблагодарим Господа в полном смирении. Или, наоборот, когда нас атакуют отовсюду, и сотни смертей нам угрожают, похоже со всех сторон, да не потеряем в Нем нашей уверенности.

«Итак, всякий раз, когда возникают опасность или трудности, знайте, что Бог хочет пробудить вас в смирении держаться в тени Его крыльев.»

«Если вы хотите сохранять свою свободу, потщитесь не позорить то место, куда вас поставил Бог. Он один, Царь царей и Господь господствующих есть Всевышний. Он объявляет, что почитит Его чтящих, но посрамит Его ненавидящих. Бог говорит это для того, чтобы вы служили Ему во всей истине по Слову Его и старались в этом все больше преуспевать. Мы далеки от того, чтобы полностью справиться с нашей задачей в той мере, как это угодно Ему».

Наконец, Кальвин сделал им личные предупреждения. Он знал почти все их нравы и манеры, как и знал в чём их увещевать.

«Даже самый лучший, - говорит он, - не совершенен и, у каждого есть свои слабости. Вы знаете лучше о них сами. Пусть каждый исследует себя и борется со своими недостатками. Одни холодны и, будучи поглощены своими собственными делами, не заботятся об общественном благе. Другие предаются своим пристрастиям. Третьим Бог дал разум и мудрость, но они не используют их. Четвертые держатся за своё мнение, желая себя хорошо зарекомендовать и завоевать репутацию и власть.

«Пожилые не должны завидовать молодым из-за дарованной им благодати. Пусть они вместо этого возрадуются, восхваляя за эти дары Господа.

«Пусть молодежь держится скромно и оставит пожелание чересчур высказывать. У молодых всегда в достатке хвастливости, которая возвышается и пренебрегает другими. Уступайте друг другу и не обескураживайте остальных. Не делайте себя ни для кого ненавистными, ибо кого обижают, тот склонен к озлоблению.

«Чтобы избежать этих зол, пусть каждый поступает по его собственному усмотрению и добросовестно использует данные ему от Бога блага для поддержания благостояния этой республики. Что касается гражданских или уголовных процессов, отвергните всякий фаворитизм, ненависть, subtilность и ложное оправдание. Откажитесь от своих собственных идей в угоду справедливости и равноправия. И если возникнет соблазн пустить все на самотек, сопротивляйтесь и будьте постоянны, устремляя свой взор на Того, Кто вас поставил. Молитесь, чтобы Он руководил вами Духом Святым. Он вас не подведет.»

После этого он вновь попросил их простить его и принять его в его немощах, «которые, - говорил он, - я не хочу отрицать, поскольку Бог и ангелы знают о них, я не стыжусь в них покаяться перед людьми», а также просил принять его старания, которые он приложил, находясь среди них.

Кальвин заканчивает следующими словами: «Я молю благого Господа о том, чтобы Он продолжал руководить и управлять вами, чтобы Он умножал вам Свою благодать, ведущую к спасению вашему и всех этих бедных людей».

Ссылки

¹ Мария Кальвин была дочерью Жерара Кальвина от второго брака. Она последовала за ее братьями Жаном и Антуаном в Женеву.

ГЛАВА 13

Последние дни

В пятницу 28 апреля 1564 года всех пасторов из Женевы и окрестностей попросили собраться в комнате у Кальвина, где он их продолжительно увещевал.

Суть его слов была в том, чтобы они с упорством, надлежащим образом исполняли свои обязанности после его смерти и не опускали рук. Бог сохранит город и церковь, даже если со всех сторон будут грозить опасности. Да не будет между ними споров, но царит милосердие и близкие отношения.

Он также просил их никогда не забывать об их долге по отношению к этой церкви, куда их призвал Бог и следить, чтобы ничто не смогло отвлечь их от своего служения. Те, кто теряет интерес в своем поприще и хотят оставить свой пост, всегда находят оправдания, но Бог поругаем не бывает.

В связи с этим Кальвин рассказал об обстоятельствах своего приезда в эту церковь, а также о том, что в ней тогда происходило. Когда он приехал, Евангелие уже проповедовалось, но преобладало сильное распутство. Для большинства людей Евангелие заключалось только в уничтожении старых идолов.

В церкви было много злых людей и, Кальвину пришлось вынести немало унижений. Но Бог всегда давал ему силы, чтобы выдержать, хотя сам он был довольно боязлив по природе. Он повторил два или три раза эти слова: «Уверяю вас, что я по своей природе робок и боязлив.»

Он также вспомнил, как ему с принуждением пришлось вернуться в Женеву из Страсбурга и, что он не надеялся достичь каких-либо весомых результатов. Он не мог себе и представить, что наметил там совершить Бог. Фактически, Кальвину пришлось еще столкнуться со многими трудностями. Но, будучи тверд, со временем он увидел, как Бог даровал благословение его трудам.

Да укрепляется каждый в своем призвании и да поддерживает добрый порядок, следя за тем, чтобы люди пребывали в послушании истине. В церкви есть много людей доброго нрава, как нет недостатка в злых и непокорных. И пасторы понесут вину перед Богом, если порядок в церкви, достигнув такой высоты, обратится в хаос и беспорядочность из-за их нерадивости.

Наконец, Кальвин обменялся со всеми рукопожатием. Все мы почувствовали такую боль и тоску, что я не могу вспоминать об этом без чрезмерной печали.

Примерно в это же время одна благородная и добродетельная женщина из доброго города во Франции специально приехала в Женеву, чтобы увидеть Кальвина. Познав истину лет тридцать тому назад во Франции, ей довелось когда-то послушать Кальвина, проповедующего о Боге.

Кальвин весьма обрадовался встрече с ней после столь долгого времени. Ей хотелось бы послушать, как он проповедует, но, видя, что это ему не по силам, она была рада возможности личного общения с ним, на что хватило его слабых сил.

Из того же французского города в Женеву приехал также один пожилой человек, который в юности был близким другом Кальвину во время их учебы. Они не виделись с момента отъезда последнего из Франции. Эта новая встреча также принесла ему огромную радость. Однако Кальвин не преминул увещевать своих собеседников об их долге перед Богом и Евангелием. Он сделал это во всей простоте, без тени напыщенности, с теплотой, усердием и действенностью.

Впрочем, чтобы просто возрадоваться в ожидании исполнения воли Божией, Кальвин приглашал к себе на обед некоторых из своих друзей, как женеццев, так и иностранцев, нашедших здесь убежище ради дела Евангелия. В частности, он пригласил тех двух людей, о которых я только что упомянул. Я хочу также вспомнить об одном лорде из Франции, который тогда гостил в Женеве и неоднократно посещал Кальвина. Однажды он даже пришел со своей едой в его комнату.

2 мая, получив письма от Гийома Фареля, пастора в Неошателе, о котором мы часто рассказывали, и узнав, что этот бесстрашный восьмидесятилетний старик решил приехать к нему, Кальвин написал ему на латыни следующее письмо:

«Будьте благословенны, мой замечательный и дорогой брат. Поскольку Богу угодно, чтобы вы пережили меня, живите с памятью о нашем сотрудничестве, которое принесло пользу для Церкви Божьей и чьи плоды ждут нас на небесах. Я не хочу, чтобы вы себя утомляли из-за меня. Мне с большим трудом дается дыхание и я ожидаю того часа, когда оно остановится. Мне достаточно жить и умереть во Христе, что есть награда для каждого из Его людей, как в жизни, так и в смерти. Я веряю Богу вас и других братьев, которые вместе с вами. Всецело ваш, Женева, 2 мая 1564 года, Жан Кальвин.»

Тем не менее, старый добрый Фарель поспешил скоро отправиться в путь, чтобы увидеть своего друга и старого соратника. По прибытии его в Женеву он и Кальвин вместе говорили и ели, вспоминая об их давней дружбе и сотрудничестве в деле Божиим.

На следующий день Фарель проповедовал в церкви. Затем, попрощавшись в последний раз с Кальвином, он возвратился в свою церковь в Неошателе.

С этого момента, жизнь Кальвина до самой его смерти превратилась в одну непрекращающуюся молитву, несмотря на постоянные боли. Часто в устах его были слова из Псалма 38:10: «Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это». Или слова из Исаяи, глава 38:14 «Я тосковал как голубь». В другой раз в разговоре со мной он воззвал к Богу: «Господи, ты разбиваешь меня, но мне довольно знать, что это твоя рука.»

Многим людям хотелось прийти и увидеть его, но, чтобы удовлетворить каждого, потребовалось бы держать двери открытыми днем и ночью. Чувствуя, насколько ухудшилось его дыхание, а также из-за презрения к праздному любопытству некоторых, Кальвин попросил, чтобы люди просто молились за него и дали ему покой.

Но даже когда я приходил навещать его, несмотря на радость, с какой он меня принимал, он все же давал мне понять, что не хотел, чтобы я проявлял о нем особую заботу. Несколько раз, прощаясь со мной, он признался, что его тяготит то, что он доставляет мне дополнительные хлопоты, хотя рад был видеть меня.

Ему было всегда свойственны опасения, что он как-то может навредить благополучию Церкви или прибавить хлопот своим друзьям. Но они почитали самым большим удовольствием в мире иметь возможность послужить ему.

Он так продержался до пятницы 19 мая, за день до вечера в день Пятидесятницы, утешаясь вместе со своими друзьями. В тот день, по обыкновению, перед тем, как вместе сесть обедать, в знак дружбы, все служители церкви собрались для самоисследования друг перед другом на предмет личного поведения и отношения к учению церкви. Кальвин согласился, чтобы пообедали у него дома. Когда его отнесли в столовую, при входе он сказал своим коллегам: «Братья мои, мы видимся в последний раз, потому что я уже никогда не сяду за этот стол». Нас очень опечалило это вступление. Но затем Кальвин, насколько у него на это хватило сил, произнес молитву, чем нас утешил.

Он ел очень мало и, не дождавшись конца конца обеда, ушел отдохнуть к себе в комнату, которая примыкала к гостиной, где мы обедали. Силясь не показывать боли на лице, он сказал нам: «Эта простая перегородка, которая нас будет разделять, не помешает мне объединиться с вами в духе.»

Кальвин тогда действительно поднялся с постели в последний раз. С того дня из-за отсутствия сил он больше не вставал. Его тело было настолько тощим, что казалось от него остался только его дух. Однако лицо его осталось почти неизменным.

Его дыхание стало тяжелым и стесняло его. Из-за этого его молитвы и постоянные утешения в Господе больше напоминали вздохи, чем вразумительные слова. Но его глаза и лицо свидетельствовали о его вере и уповании, пребывавшими в нем.

В день его ухода из жизни в субботу 27 мая 1564 показалось, что у него нашлись силы и ему стало легче. Но это был всего лишь последний всплеск жизни. Вечером, около восьми часов, смерть внезапно показала признаки ее близости.

Вскоре после того, как я только вышел от него, меня уведомили. Я поспешил прийти к нему с некоторыми братьями, но увидел, что он уже мирно испустил дух. Он ушел из жизни без стонов, не разговаривал и даже не двигался. Казалось, он просто уснул.

Вот так на заходе солнца, в тот день величайший свет, который был в этом мире во благо Церкви Божией, был взят на небеса. Можно сказать, что в этом человеке Господу было угодно показать нам, как подобает праведно жить и умереть.

В ту ночь и на следующий день город был удручен огромной печалью. Люди оплакивали пророка Божьего и несчастное стадо сожалело об уходе своего верного пастыря. Школа оплакивала потерю истинного наставника и учителя. Все оплакивали своего истинного отца и утешителя, которым он был для них после Бога.

Некоторые люди хотели увидеть его лицо в последний раз, как будто они не могли оставить его в покое даже после смерти. Многие иностранцы, приехавшие издалека в надежде увидеть его еще живым, приложили немало усилий, чтобы увидеть его уже мертвым.

Чтобы избежать всего этого нездорового любопытства, Кальвина похоронили в следующее воскресенье. Около восьми часов его тело покрыли саваном и положили в простой деревянный гроб. Примерно в два часа дня его доставили на общее кладбище под названием Пленпале (Cimetière de Plein palais), как было принято и, следуя его пожеланию, без какой-либо помпы или церемонии.

Он лежит сегодня именно там, в ожидании воскресения, на которое он надеялся с постоянством и чему учил нас. Я особо подчеркиваю, что все было сделано в той простоте, как это было принято в нашей церкви для погребения каждого верующего.

Спустя несколько месяцев некие студенты, недавно прибывшие в Женеву, были сбиты с толку, когда они однажды отправились на могилу Кальвина. Они надеялись было увидеть роскошную и монументальную гробницу, но нашли только небольшой холмик земли, как и у других могил. Это будет хорошим ответом тем, кто долгое время обвиняет нас в том, что мы сделали из него идола.

Его погребение происходило в присутствии попечителей и советников города Женевы, пасторов церкви, как французских, так и итальянских, а также профессоров и студентов.

Большинство жителей города также прибыли на его похороны. Мужчины и женщины из разных сословий. Все станут сожалеть о невосполнимой потере на долгое время.

Я, однако, уверен, что вместо того чтобы жаловаться, нам подобает благодарить Господа за то, что Он столь долго даровал нам Своего слугу. Бог вместил такой мощный дух в его слабом теле, подверженном чахотке, которая его унесет из жизни, когда бодрость и молодость оставят его.

С начала своего служения Кальвин посвятил всю свою энергию деятельности этого духа, не заботясь о состоянии своего здоровья, на что потребовалась особая милость Божья, чтобы поддерживать этот инструмент, с помощью которого Бог хотел построить Свою Церковь. В противном случае вряд ли он смог бы достичь так называемого зрелого возраста.

В самый день похорон Кальвина в Женеву прибыл посол королевы Англии при дворе французского короля, который находился на выезде недалеко отсюда, в г. Дижон. Посол воспользовался возможностью приехать (как он думал), чтобы встретиться с Кальвином, и весьма расстроился, увидев свою надежду на встречу развенчанной. Точно так же одна придворная дама из Франции намеревалась воспользоваться случаем и навестить его на пути в Лион. Но, как мы уже говорили, Кальвин скончался, прежде чем король Франции покинул свою резиденцию в Дижоне.

Кальвин ушел из жизни, не дотянув всего полтора месяца до пятидесяти пяти лет. Он провел половину своей жизни в священном служении, уча устно и письменно, ничего не меняя, добавляя или уменьшая в том учении, которое он провозгласил с первого дня своего призвания. Дух Божий пребывал в нем в такой мере, что нечестивые никогда не могли его слушать без содрогания, а люди благоговейные не могли не любить и не уважать его.

ГЛАВА 14

Пресвитер должен быть безупречным

Вот история жизни и смерти Жана Кальвина. Возможно кому-то это повествование покажется слишком длинным. Но признаюсь, что если взглянуть на тот огромный материал, который нам оставил о себе этот человек, то, говоря о его добродетелях, я был краток. На самом деле, если бы захотелось

подробно рассказать о важности всех дел, которыми занимался этот человек в течение двадцати трех лет в Женеве и вне её, то пришлось бы написать очень большой том.

В самом деле, в наше время не найдется ни одного другого города и церкви, на которые бы так жестоко напал Сатана, и которые бы так отважно защищались, как в Женеве. Вся слава за её избавление принадлежит только Богу, где Он, используя Кальвина для этой цели, проявил Своё могущество и правосудие.

Если речь пойдет о бдительности, которую этот человек сохранял в рамках своего служения пастором, то никогда Сатана и его люди не смогли заставить его врасплох. Кальвин всегда предупреждал церковь заранее об ударах врага и сохранял паству от конфликтов. Что касается честности Кальвина, то никто не сможет обвинить его в том, что он плохо справлялся со своими обязанностями. Ничто не могло его заставить угождать людям или клеветать на кого-либо. Его жизнь как и его учение оставались неизменными.

Глядя на его старания и труды, которых не перечислить, я сомневаюсь, что мы найдем ему подобного. Я не знаю, найдется ли сегодня человек, которому довелось бы выслушивать, отвечать и писать более, чем довелось ему, или заниматься вещами большего значения. Достаточно взглянуть на ценность и объем его сочинений, чтобы удивить любого, кто их увидит, а тем более того, кто их прочтет.

Тот факт, что он обладал хрупким от природы телом, ослабевшим от чрезмерного небрежения сном и сурового воздержания, а также будучи подвержен стольким болезням, делает собрание его трудов достойным еще большей похвалы. Глядя на него, было трудно поверить, что он смог бы прожить сколько-нибудь еще.

Несмотря на это, Кальвин не прекращал работать ни днем, ни ночью на ниве Господа Нашего. Он не прислушивался к просьбам и увещаниям друзей, которые ежедневно ему напоминали об отдыхе. Даже во время его последней болезни он не переставал трудиться, пока примерно за восемь дней до своей смерти у него не пропал голос.

Кроме бесчисленных забот и проблем в его пасторском служении Кальвину пришлось нести тяжелое бремя всех напастей и бед, обрушившихся на этот бедный город, который атаковало изнутри множество мятежников и отчаянных бунтовщиков. Извне городу угрожали величайшие цари и князья из-за того, что он предоставил убежище и защитил бедных детей Божиих, преследуемых во Франции, Италии, Испании, Англии или в других странах.

Короче говоря, Кальвин вполне мог сказать вместе с апостолом Павлом: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?» (2 Коринфянам 11:29). Были все основания искать у него убежища, поскольку Бог дал ему столько благоразумия и пронизательности, что, следуя его совету, еще никто не попадал впросак. Напротив, я знал слишком много людей, которые, пренебрегнув его советами, оказались в крайних затруднениях.

Не стану упоминать о степени его знаний и высоком уровне суждений, которые были ему присущи. Не буду также говорить о его необыкновенной доброте, благодаря которой он мог найти подход и благоволить даже к самым маленьким, или о его мягкости, позволившей сносить слабости и недостатки других. Об этом можно было говорить почти бесконечно.

Я упомяну лишь о его замечательной памяти, которой он не хвастался, уподобляясь тем, которым она нужна только для формирования своих суждений.

Что до Кальвина, то он обладал обширной памятью и мог легко вспомнить многое из того, что ему довелось увидеть в прошлом, как во Франции, Италии, так и в Германии, запоминая местности и людей.

Говоря о делах в Женевской церкви, а также в Женевской республике, его знание предмета не имело пробелов, он помнил все до мельчайших деталей.

Во время встреч в Консistorии, куда вызвали некоторых на беседу за их проступки, он им напоминал о предыдущей беседе, указывая на мотивы и причины присшедшего. Любопытно, что захотел бы ознакомиться с книгой записей Консistorии, заметит, что Кальвин говорил с точностью, даже если события происходили семь, десять или двенадцать лет назад.

То же самое можно сказать о преподавании доктрин и истории. Это подтвердят те, кто присутствовал на его лекциях, а также те, кто его близко знал. Когда он давал лекции, он не имел перед собой ничего другого, кроме текста Писания. Но мы видим насколько его стиль преподавания был хорошо упорядочен.

За несколько лет до его смерти, когда он давал лекции по пророку Даниилу, ему приходилось прибегать ко многим историческим деталям, но он никогда не использовал никаких заметок, чтобы как-то помочь своей памяти.

Дело не в том, что он тратил много времени, чтобы заранее подготовиться к своим занятиям. Если так, то он оставался бы совсем без отдыха. Честно говоря, у него зачастую не было даже и часа, чтобы подготовиться. Но его сильная бодрость духа позволяла ему быстро вникнуть в смысл того, что он читал, сформировать в одно мгновение мудрое суждение и тут же сохранить его в памяти.

Я добавлю к его памяти еще одно свидетельство, которое проявлялось каждый день. Если кто-либо приходил с ним поговорить, когда он диктовал, и такой перерыв длился даже около часа, то он чаще всего помнил то место, на котором останавливался. Затем он продолжал говорить, даже не заглядывая на предыдущее, шла ли речь о письме или о его комментариях.

Что касается его обычной жизни, то все засвидетельствуют, что он никогда не пускался в излишества или мелочность, но во всем сохранял достойную меру. Это правда, что из-за проблем с желудком он воздерживался от некоторых видов пищи. Но он не делал из этого проблем и не тревожил этим за столом других.

Его можно обвинить, однако, в неуважении к своему здоровью. На протяжении многих лет он довольствовался только одним приемом пищи в день. Всего за шесть месяцев до последней болезни врачи сумели убедить его принимать иногда немного вина и проглотить яйцо в полдень.

Причины его воздержания происходили из-за его проблем с желудком и мигрени. Он говорил, что постоянная диета ему помогает. Кроме того, я иногда видел как он воздерживался от еды в течение сорока восьми часов. Будучи настолько худым, он очень мало спал. Какая бы ни была усталость, он всегда был готов к работе и к выполнению своих обязанностей пастора.

В те дни, когда он не проповедовал, около пяти или шести часов вечера, ему приносили книги, чтобы подготовить труды, которые он затем диктовал секретарю. Если же это была его неделя проповедовать, то он всегда был готов встать на кафедру. По возвращении домой он садился на кровать или ложился в одежде, продолжая работу с какой-нибудь книгой.

Лежачее положение избавляло его от желудочных недомоганий. С той же целью он неоднократно одевал теплую одежду. Так он использовал утренние часы, чтобы диктовать большую часть своих книг, считая это время наиболее благоприятным для работы его мозга.

Таков был образ жизни, который вел этот превосходный слуга Божий. Он забывал о себе ради возможности служить Богу и своим ближним, следуя своему долгу и призванию. Я не хочу упускать из виду тот факт, что, несмотря на все эти труды и заботы, Сатана противостоял ему самой бесстыдной клеветой мира. Но это не ново, поскольку мир всегда так воздавал тем, кто хотел вытащить его из погребения.

Достаточно прочитать историю его жизни, чтобы опровергнуть все, в чем его обвиняли. Фактически, я ограничусь упоминанием лишь нескольких моментов, которые позволят ясно увидеть и понять правду.

«Кальвин был еретиком»

Называя Кальвина еретиком, некоторые дошли до того, что придумали новый термин: Кальвинисты. Но скажите, пожалуйста, разве учение, о котором он свидетельствовал столько лет до самого часа своей смерти, как в письменной форме, так и вслух, не опровергает более чем адекватно это обвинение?

Можно ли было прочесть в его трудах, услышать в его проповедях и увидеть в его поведении то, что имеет тенденцию к ереси? Напротив, разве эти три аспекта его жизни не показывают, что этот человек во всей чистоте говорил о Слове Божьем, в полном соответствии с Божественным откровением?

Можно сказать, он учил истинному благочестию и поддерживал его сущность в своем сердце, считая это для себя необходимым. С давних пор амбицию называли матерью всех ересей. Если удастся выдвинуть хоть один аргумент, чтобы доказать присутствие в Кальвине духа амбиций, то я бы назвал его еретиком.

Найдется ли человек, который бы с большей простотой излагал Библию, пренебрегая возможностью выставить напоказ свою эрудированность и, не оскверняя Писание изящными высказываниями и пустой напыщенностью?

Это правда, что многие не приняли его учения. Но этого аргумента недостаточно, чтобы с подозрением относиться к чьим-либо добрым суждениям. Напротив, этот единственный пункт может скорее служить аргументом в его пользу.

Тем более что те, кто восставал против Кальвина, так или иначе, обнаруживали, что они восставали не против кого-то, а против истинного слуги Божия.

Поэтому можно сказать (и все, кто знал его, приведут достаточно свидетельств), что у него никогда не было противника, который бы, нападая на него, не боролся с Самим Богом.

С тех пор, как Бог бросил вызов мастеру своего дела - Сатане, тот выбрал Кальвина в качестве своей цели, чтобы нападать на него одного и, если возможно, сразить его, словно забыв о существовании других. Но Бог, воздвигнув противников Кальвину, проявил к нему милость, удостоив его стольких над ними побед.

Поэтому я заявляю, что его учение было добрым, святым и чистым, его преподавание было искренним и простым, отличаясь действенностью и величием. Я бы добавил, что те, кто думал их

осуждать или очернить, тем самым послужили этому лучшим подтверждением и доказательством, будь-то его враги из Женевы или далеко за её пределами.

В действительности, его противники не могли продолжать клеветать даже на расстоянии, так как ответ Кальвина мог прийти гораздо быстрее и ближе к ним, чем они ожидали. Любой сможет осознать это, анализируя его главные духовные сражения, которые он вел в пользу вероучения, о чем мы говорили в ходе нашего повествования.

Фактически, анабаптисты подтвердят, что они стали атаковать Кальвина вскоре после начала его служения в Женевской церкви. То же самое произошло с отступником Кароли, который обвинил Кальвина, Фареля и Вирета в арианстве.¹ Что же получил славный кардинал Садолет, нападая на Кальвина, когда последний ему закрыл рот? Что можно сказать об этом голиафе Пигиусе, чей пелагианизм был побежден силой Господа и рукой Его слуги?² Упомянем также о трудах Кальвина против анабаптистов и либертинцев.

Найдется ли более пронизательный человек, который бы выявил и опроверг нечестивые утверждения ложных евангелистов, которые, взяв на себя титул Никодемитов, соглашались без разбору со всеми вероучениями? Кто сражался с ними большей действенностью, отбросив эту кучу диких свиней, ворвавшись, чтобы расхитить виноградник Божий? Кому ещё так удалось помешать планам антихриста? Кто со всей смелостью так четко ответил на этот печально известный *Временный декрет Аугсбурга*, который взбудоражил Германию?³

Можно ли ответить лучше, чем Кальвин, на все аргументы противников священного учения о предопределении и вечном провидении Бога, которое извратил нечестивый Больсек в своём монашеском мозгу? Что мне сказать о сражениях, которые Кальвин вел, защищая Божественность и вечность Сына Божьего против Сервета, Валентина Джентилия и остальных, кто следовал за ними в то время?

Кто также ревностно защищал чистоту вероучения от тех «мудрых» обманщиков, столь опасных для церкви? Прикрываясь миролюбивостью и желанием восстановить единомыслие в церкви, эти люди стремились развратить чистоту, ища одобрения людей, как и собственной выгоды.

Наконец, чего же добились своими усилиями упрямые Иоахим Вестфаль и Тилеман Гесхусиус, кроме того, что показали себя самыми ожесточенными врагами истины, которых только можно сыскать? Вынудив Кальвина вступить с ними в борьбу, они навлекли на себя ничего, кроме бесчестия, как внутри своей секты, так и у себя на родине. Кальвин, борясь с их наглостью и невежеством, твердо стоял на истине, за что и получил похвалу. Церковь же Божья была утверждена в истинном и святом вероучении.

Короче, я уверен в том, что не найдется ни одной ереси древней, новой или заново сплетенной, которую бы Кальвин не разрушил до самого основания. В Кальвине сверкали две превосходные черты, а именно, его особая острота ума в понимании сути проблемы и его удивительная способность отвечать четко и кратко. Все, даже враги Евангелия, признают этот факт, внимательно изучив его сочинения.

«Кальвин хотел управлять всем»

Некоторые люди именно так и говорят. Какое ужасное и напускное бесстыдство! Какого превосходства или главенства он искал, а если бы искал, то кто бы ему в том помешал? С кем спорил он о том, кто

займет главенствующее место? Разве он изменил свою жизнь, получив дары благодати, которые Бог вложил в него?

Видели ли мы когда-либо, чтобы он злоупотреблял служебным положением и авторитетом по отношению к самым слабым? Или, чтобы он что-то предпринял, не советуясь или вопреки мнению его коллег в служении церкви? Даже в конце своих проповедей или лекций по книгам Писания, зная лучше чем кто либо другой, что необходимо для созидания церкви, он ничего не предпринимал, не посоветовавшись с другими пасторами.

Короче, чем отличался от нас Кальвин? Разве только тем, что он превзошел всех нас в смирении и взял на себя больше забот, чем все мы? Преданно исполняя обязанности пастора, он продемонстрировал большое мужество и добродетель без фальши и чванливости.

Благодаря той мощной работе, которую совершал в нем Господь, и в той мере, в которой верующий в этом мире может проявить это, Кальвин был смиренным, но не малодушным, великодушным, но без гордости.

«Кальвин транжир и азартный игрок»

Люди обвиняли его в этом, но без причины. Ибо найдется ли человек, который бы одевался более проще и был скромнее во всех отношениях, чем он? Найдется ли человек его качеств, чей дом был бы обставлен мебелью еще беднее? Но даже, если десять тысяч свидетелей вместе со мной откажутся в это верить, то лучшим свидетельством будет то скудное наследство, которое досталось его брату, единственному наследнику.

Что касается азартных игр, то, действительно, он иногда отдыхал в кругу родственников, играя в шайбу, ключ⁴ или другую узаконенную игру в этой республике. Он это делал очень редко и чаще по просьбе своих родственников, чем по собственной инициативе.

Обычно, помимо редактирования своих сочинений и учебы, которые занимали всю оставшуюся часть дня, он отдыхал после еды в течение четверти часа или получаса, если он был с кем-то в компании, прежде чем вернуться в свой кабинет.

Что касается тех, кто обвинял его в расточительности, я говорю, что по крайней мере его книги останутся вечным свидетельством о его времяпрепровождении и уличат в бесстыдстве этих лжецов.

«Кальвин был скуп»

Другие, наоборот, обвиняли его в скупости. А некоторые, дойдя до бесстыдства в своей клевете, считали его ростовщиком. Его глупо и несправедливо прозвали банкиром. Грубая ложь, против которой хватит доказательств даже тем, кто его мало знал. Как он сам где-то написал, что если найдутся те, которые никак не оставят мысли о том, что Кальвин вел богатую жизнь, они добьются своего после его смерти, когда оценят все его имущество.

Мы обнаружим также, что все его наследство (в том числе его библиотека, проданная за хорошую цену, благодаря имени её владельца) не превышает и двухсот экю. По его собственным словам, он не был беден, поскольку он не тратил больше, чем получал.

Говоря о его жадности, «он так много имел», что при виде своей зарплаты в шестьсот флоринов он просил платить ему меньше, как это засвидетельствуют первые люди этого города. Он так «жаждал богатств этого мира», что, будучи почитаемым и удостоенным князьями и владыками многих

государств и посвятив им свои труды, я не думаю, что он получил большую прибыль от двадцати экю (иначе я бы об этом знал).

Его благоговение перед Словом Божьим было настолько сильным, что он предпочел бы скорее умереть, чем воспользоваться им ради удовлетворения каких-то амбиций или из алчности. Он посвятил много своих книги людям, в частности, благодаря их за благодеяния или в знак дружбы к ним.

Например, как мы упоминали, он посвятил свою книгу о Сенеке одному из лордов семьи Момморт, в чьей семье он воспитывался во время учебы в Париже. Он посвятил свой Комментарий Послания к Римлянам Симону Гринье,⁵ а к первому посланию к Коринфянам - маркизу де Караччолле.⁶

Свой комментарий ко второму посланию к Коринфянам он посвятил Мельхиору Вольмару, его учителю греческого языка, а комментарий к Фессалоникийцам - Матурину Кордые, его бывшему регенту в парижском колледже; второе к Фессалоникийцам - Бенуа Текстору, его врачу; Послание к Титу - его двум старым друзьям и товарищам в труде Господнем - Гийому Фарелю и Пьеру Вирету.

Книга «О Бесчинствах» была посвящена его давнему и неизменному другу Лорану Нормандскому. Сорок других его трудов были посвящены разным королям, князьям или республикам, призывая их защищать детей Божьих и побуждать к тому же других.

С другой стороны, когда Кальвин видел, что тот, кому он посвятил свой труд, делает противоположное или не проявляет должного усердия в исполнении своих обязанностей, то он не колеблясь, удалял его имя и заменял его другим. Однако, это произошло только два или три раза.

«Кальвин вел жизнь развратника»

Некоторые набрались такой наглости, что оклеветали⁷ и в этом Кальвина. Можно только удивляться этой лжи, разве что мир привык так обращаться с самыми видными слугами Божьими. Но нет ни одного из сограждан, кто мог бы даже заподозрить в таком пороке Кальвина.

Он был женат около девяти лет, сохраняя свой брак во всей целомудренности. После смерти его жены он оставался вдовцом в течение шестнадцати, отделявших его от его собственной смерти. Между тем, кто смог заметить в нем когда-либо хоть малейший признак такого недостойного поведения, в чем его обвиняют? Разве нашлась бы настолько падшая и бесстыдная женщина, которая осмелилась бы даже помыслить бесстыдно глядеть в лицо такому почтенному и честному человеку на глазах у всех окружающих? Кто сражался с развратом с большей энергией, как не Кальвин?

Это правда, что Господь испытывал Кальвина через его близких.⁸ Самые ужасные события, о которых мы говорим, произошли в семье Иакова и Давида. Но чего добился Сатана в отношении этого верного слуги Божьего, как и тех, кого приплели к этому скандалу, кроме стыда и посрамления в день Суда Сына Божьего?

Эти негодяи смотрят на распутство, прелюбодеяния и инцест, как на времяпрепровождение или развлечение. Они считают большим бесчинством, что реформатские церкви наказывают развратников и прелюбодеев. И если бы среди нас было найдено распутство, и оно бы было жестоко наказано, эти люди все равно продолжали бы обвинять нас. Даже если бы они говорили здесь правду, то обвинили бы нас в том, что мы ничем от них не отличаемся.

Но не будем вдаваться в длинную дискуссию. Нравится им это или нет, они должны будут признать, что разбойники не собираются там, где стоят виселицы. Авторы таких деяний встречаются скорее всего там, где преступление считается добродетелью.

Возвращаясь к моей теме, мы увидим, что верный слуга Божий продемонстрировал исключительный пример всему миру, насколько он осуждал этот столь уродливый и вонючий порок у христиан и у других. Кто бы ни оказался виновен во грехе, Кальвина ни к кому не имел лицепрятия. Он благоговел только перед Богом и Его Церковью. Я не продвигаю здесь ничего иного, кроме общепризнанной перед Богом истины.

«Кальвин был вспыльчивым, жестоким и даже кровожадным»

Некоторые относились к нему именно так. Другие, желая смягчить эти обвинения, называли его слишком суровым. Слава Богу, это не трудно опровергнуть. В этом не было бы даже нужды, если бы не необходимость упомянуть об извращенности одних и о неблагодарности других перед Богом.

Я повторю здесь то, о чем говорил вначале, что у него не было других врагов, кроме тех, кто его не знал или тех, кто вел открытую войну против Бога. Я приведу здесь более чем достаточно доказательств. Действительно, в наше время очень сложно будет найти человека, с которым бы Сатана вел более жестокую войну, подвергая его оскорблениям разного рода.

Мы не увидим, чтобы Кальвин посещал суды или проводил время с адвокатами, не говоря уже об отсутствии у него мстительности. У него не было ни дома, ни наследства, чтобы он мог их отстаивать в судах. Он никогда не лез ни в коммерцию, ни в торговлю.

Это правда, что когда противники восставали против учения Божия, провозглашенного Кальвином, он преследовал этих насмешников согласно святым законам, установленным в этой республике, дабы те получили по заслугам. Но кто станет обвинять его, как не те, кто превращают целомудрие, как одно из редчайших и ценнейших добродетелей в самое распространенное и разрушительное зло растления?

Итак, какой вывод при этом напрашивается, если часть из тех людей, кому в этом зле противостоял Кальвин, засвидетельствовали сами о его неотступности в этом вопросе, говорю я со всей правдой?

Я упомяну только троих, не называя их имен. Двое из них, которые должны были получить наказание за свои преступления, не могли не воздать ему честь и непрестанно благодарить его на глазах у всех. Они называли его своим отцом и восклицали, что они недостойны его присутствия, его предупреждений и его молитв, потому что не прислушивались к его отцовским увещаниям.

Третий, находясь в постели смертельно больной, бывший советник всех развратников, не мог поверить, что Бог простил его, если его не простит этот верный слуга Божий, которого он так оскорбил. По крайней мере, эти не обвиняли его ни в жестокости, ни в слишком большой строгости.

Я признаю, что он всегда свидетельствовал магистратам о том, насколько Бог ненавидит лицепрятие, давая понять, как важно судить беспристрастно. Богу настолько отвратительны, говорил он, те, кто осуждает невинных и оправдывает виновных.

Если эти слова и такая практика являются преступлением, то придется обвинить Духа Святого, который был Вдохновителем Божественного Слова. Если нет, то богохульники, называющие жестокими Божьи постановления, должны закрыть рот.

Но, говорят они, Кальвин был слишком строг к прелюбодеям и еретикам. Я отвечу, что, по правде говоря, и весь этот город знает об этом, он никогда никого не судил и не мыслил судить, так как это не его функция. И когда спрашивали его мнения, не с тем чтобы путать роли, которые Бог разделил, но следовать предписаниям Слова Божьего, то нужно признать, что к его советам прислушивались не всегда.

Но оставим это. Что ответят нам наши милосердные обвинители, когда я скажу, что нет ни одной хорошо упорядоченной республики, где прелюбодеяние не было признано достойным смерти? Однако в этом городе не было ни одного случая, когда бы наказывали смертной казнью за прелюбодеяние.

Что же касается еретиков, то где, я вас спрашиваю, та великая строгость? Где кровожадный Кальвин проявил свою естественную склонность к кровопролитию? В Швейцарии и Германии найдется очень мало городов, где анабаптистов приговорили к смертной казни, и не без оснований. Здесь же их просто изгнали.

Больсек хулил и противился провидению Божию. Себастьян Шастильон издевался над книгами Священного Писания. Валентин Джентиль богохульствовал против Божественной сущности Иисуса Христа. Никого из них не убили. Первые двое были просто изгнаны, а третьему позволили исправиться перед Богом и первыми людьми города. Где эта жестокость?

«Но что сказать о Сервете?»

Он один пошел на костер. И кто был ещё более достойным этого, чем этот негодяй? В течение тридцати лет он многократно хулил вечную сущность Сына Божьего. Он приписывал имя Цербера Троице в одной Божественной сущности. Он упразднил крещение младенцев и нагромоздил самые ужасные извращения, которые Сатана когда либо изрыгал против истины Божией.

Он соблазнил множество людей. Хуже того, он отказался покаяться и подать надежду, что он исправится и воспримет истину, которую ему так часто доказывали, опровергая его заблуждения.

Говоря о решении, принятом церквями по этому вопросу, разве мы можем забыть о том, что сказали о Сервете церкви Германии, особенно, Филипп Меланхтон, столь известный своей мягкостью? Он даже писал письма, одобряя это справедливое наказание.

В заключение, те, кто находят этот вердикт несправедливым, порицая то, что заслуживает совершенного одобрения, проявят лучшим образом своё невежество и безрассудство, восставая против Кальвина. Последний только исполнял свою роль верного пастора, увещевая магистраты исполнить их обязанности, прилагая все усилия, чтобы этот негодяй раскаялся и, наконец, сделать все, чтобы защитить паству от этой заразы.

«Кальвин легко раздражался»

Некоторые именно так характеризовали Кальвина. Я не хочу делать из этого человека ангела. Но должен сказать во всей истине, как удивительно использовал Бог эту самую горячность, которая в нем была. В дополнение к его характеру, склонному от природы сердиться, множество факторов оказало на него влияние, сделав его трудным и раздражительным человеком.

К примеру, его необычайная резвость духа, небрежное поведение многих из его близких, обилие и разнообразие забот и хлопот о Церкви Божией. В конце его жизни к этому прибавились болезни и немощи, которые стали одолевать его. Однако, он был далек от того, чтобы искать оправдание этому недостатку. Напротив, он, как никто другой, чувствовал и воспринимал всю его тяжесть.

Это было его единственное слабое место, о котором я знал из его личной жизни. Пребывавшие в нем замечательные добродетели закалили его характер так, что при этом у Кальвина отсутствовали другие недостатки, которые обычно сопутствуют такой слабости. Так что ни один из его друзей не остался на него в обиде из-за его слов или действий.

Что касается его жизни в обществе и возложенной на него Богом ответственности, то я не могу не восхищаться великой мудростью Божией, которая все обращает к славе Своей, особенно у тех, кого Он желает использовать для особого служения.

Те, кто видел и знал, с какими людьми Кальвину чаще всего приходилось иметь дело, а также, что объявил и совершил через него Бог, включая обстоятельства, времена и места, в которых он жил, смогут оценить, насколько эта пророческая пронизательность, по правде говоря, служила и будет служить всем последующим поколениям.

Кальвин не желал наводить на людей страх ни своим внешним видом, ни поведением, как некоторые. Тем не менее, самое восхитительное это то, что даже самые упрямые и извращенные люди должны были отступить перед великой добродетелью, которой Бог наделил Своего верного и безупречного слугу.

Тот, кто искренне ищет славы Божьей, читая труды Кальвина, увидит в них то сияние величия, о котором я говорю. Сегодня есть люди, которые относятся к религии словно к политике. Эти люди холоднее льда, что касается вещей Божиих, но горят сильнее огня, когда речь заходит об их собственных интересах. Они называют злобой и гневом всё то, что им высказано более открыто и прямо, чем им хотелось бы. Кальвин никогда не пытался нравиться таким людям, но я бы остановился на секунду, чтобы о них поговорить.

Что будут говорить эти умники, если бы им пришлось испытать такой гнев поближе? Я уверен, что они бы тоже стали жаловаться. Что до меня, то я буду считать всю мою жизнь счастливой за то, что мне довелось испытать рядом с собой столь великую и редкостную добродетель, как на публике, так и лично.

Наконец, я признаюсь во всей истине, что не перестану утешаться воспоминаниями о тех редких и изысканных добродетелях, которые обитали в этом замечательном человеке. И хотя я не могу вспоминать о его смерти без тяжелого чувства, я успокаиваю себя мыслью о том, что она стала венцом и украшением всей его жизни.

И так было угодно Богу, чтобы Кальвин до скончания мира продолжал говорить потомкам в своих исполненных мудрости и благочестия книгах, дабы узреть нашего Господа каков Он есть, и чтобы вечно с Ним жить и править.

Таким был Кальвин.

Женева, 19 августа 1564 года.

Ссылки

¹ Арий отрицал божественность Иисуса Христа.

² Пелагий отрицал первородный грех и необходимость благодати. Альберт Пигиус (1490- 1542) был одним из самых больших защитников католицизма. Он выступал против Буцера и Кальвина, а также других реформаторов.

³ *Временный декрет Аугсбурга* был системой вероучения, разработанной Карлом V в 1548 году, чтобы привести к согласию католиков и протестантов в Германии. Три богослова, в их числе один протестант, разработали статьи этого вероучения, как компромис. Но обе общины его отвергли. Четыре года спустя Карл V сам отказался от него, после Договора, заключенного в г. Пассау.

⁴ Рабле рассказывает об этой игре, которая, по-видимому, заключалась в том, чтобы метнуть ключ на стол, как можно ближе к краю.

⁵ Симон Гринье преподавал греческий язык и теологию. Мы ему обязаны тем, что он обнаружил последние пять книг Тита Ливия.

⁶ Антуан Караччоли, сын Жана Караччоли - маршала Франция. Сначала он был очень светским, затем отправился к картезианцам, после к Св.-Виктору и, наконец, стал епископом. После поездки в Рим, он отказался от своего епископства, связался с Теодором де Безом и Кальвином, и проповедовал Реформацию до своей смерти в 1569 году.

⁷ В книге Больсека существует глава под названием «Нечистота и Похоть Кальвина»

⁸ Его брат Антуан женился на Анне де Фер, дочери беженца из французского города Аррас. Она была найдена виновной в прелюбодеянии в 1557 году, что послужило